

Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях

13 МАЯ 2015 ГОДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ВЫСШАЯ ШКОЛА
ЖУРНАЛИСТИКИ
И МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ

Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Институт «Высшая школа журналистики
и массовых коммуникаций»

Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях

*Материалы научно-методического семинара
«Методы и методики понимания в журналистике
и массовых коммуникациях»*

13 мая 2015 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

УДК 070
ББК 76.0
М54

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета*

Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях :
М54 матер. научно-методич. семинара «Методы и методики понимания в журналистике и массовых коммуникациях» / под ред. С. Г. Корконосенко. — СПб.: Своё издательство, 2015. — 128 с.
ISBN 978-5-4386-0820-2

В коллективном издании представлены статьи участников научно-методического семинара «Методы и методики понимания в журналистике и массовых коммуникациях», проведенного 13 мая 2015 года в Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. Семинар является частью программы работ по исследовательскому проекту «Культура понимания в журналистике современной России». Авторы затрагивают вопросы понимания применительно к исследовательской работе в области журналистики, практике СМИ и образовательно-педагогической деятельности в высшей школе. Фактические сведения приводятся в редакции авторов статей.

Для исследователей и обучающихся в области журналистики и массовых коммуникаций.

Издание подготовлено при поддержке гранта СПбГУ 4.23.1667.2014.
ISBN 978-5-4386-0820-2

© С.-Петерб. гос. ун-т,
Ин-т «Высш. шк. журн.
и масс. коммуникаций», 2015
© С. Г. Корконосенко, ред., 2015
© Своё издательство, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Путинцева О. С.</i> Проблемно-тематическое поле семинара	6
<i>Бережная М. А.</i> Понимание в журналистике: от текстов — к дискурсам	12
<i>Блохин И. Н.</i> Понимание человека в журналистском творчестве. Человек как текст: опыт «прочтения»	17
<i>Быков А. Ю.</i> Проблемы методологии исследования журналистики в России ...	28
<i>Васильева В. В.</i> Понимание как интерпретирующая текстовая деятельность ...	43
<i>Голубев В. Ю.</i> Культурная журналистика в контексте международных отношений: методика дискурс-анализа	52
<i>Корконосенко С. Г.</i> Метод определения понятий в понимании журналистики ...	60
<i>Марченко А. Н.</i> Понимание мировоззренческих основ журналистики в уни- верситетской среде	73
<i>Путинцева О. С.</i> Экспертиза как процедура исследования культуры пони- мания в журналистике	85
<i>Сидоров В. А.</i> Интуитивное понимание мира в журналистике	91
<i>Сметанина С. И.</i> Журналистский текст: культура понимания и редакци- рования	111
<i>Хубецова З. Ф.</i> Методики исследования медиатекстов и политическая ме- диаметрия	117

О. С. Путинцева

ПРОБЛЕМНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ СЕМИНАРА

В статье представлен обзор выступлений на научно-методическом семинаре «Методы и методики понимания в журналистике и массовых коммуникациях». Особое внимание уделяется дискуссионным моментам работы на семинаре.

Ключевые слова: культура понимания, журналистский метод, метод понимания.

Научно-методический семинар проводился исполнителями научно-исследовательского проекта «Культура понимания в журналистике современной России», он стал одним из важных этапов работы над проектом, когда уже появилась возможность обобщать некоторые результаты. Свой вклад в обсуждение внесли не только участники упомянутого проекта, но и их заинтересованные коллеги. Возможность и желание обсудить неподдельно волнующие темы сплотили исследователей и позволили организовать продуктивный диалог и взаимообмен идеями.

В кратком вступительном слове проф. кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций С. Г. Корконосенко обозначил три главных направления, в русле которых предлагалось говорить о понимании: практическая журналистика, журналистика как наука и педагогический процесс. С должной критичностью оценивая возможности в новом для собравшихся проблемном поле, С. Г. Корконосенко, однако, отметил: «Мы не только выполняем исследовательские работы, мы еще и дерзаем учить молодых исследователей, но трудов, которые обобщали бы представления об исследовательских методах, мы, присутствующие, никогда не готовили и не выпускали. Думаю, это профессиональный грех, который надо искупать». Свое предложение ученый подкрепил обзором немногочисленных попыток, которые делались в отечественной науке относительно изучения методов.

Многие из перечисленных изданий уже вышли из активного оборота, к тому же ни одна работа не выполнена на фундаментальном уровне.

Собственное выступление проф. С. Г. Корконосенко посвятил методу определения понятий в понимании журналистики, заключающемуся в выявлении сущностных признаков, позволяющих отличать данный предмет или явление от иных предметов и явлений. Авторскую трактовку распространенного в науке метода отличает то, что прежде чем его применять, необходимо договориться, для решения какой исследовательской задачи этот метод используется. Без научно-познавательной задачи, по мнению ученого, определение понятий превращается в самодостаточную игру в дефиниции. Говоря о принципах, которым, так или иначе, соответствует метод определения понятий в журналистике, докладчик назвал плюральность (с определенными пределами), контекстуальность и социокультурную опосредованность. Как стало видно из дальнейшего обсуждения, тонкое чувство нормы при соблюдении этих принципов — это то, что обсуждаемый метод потребует от исследователя. Также дискуссионным оказался вопрос о самой процедуре определения понятия, которая, учитывая многомерность явлений в журналистике, не может представлять собой строгий алгоритм действий. Выбор пути, которым здесь может пойти исследователь, зависит от него самого, но важно помнить, что, являясь лишь одним из методов, определение понятий до некоторой степени лежит в основе процесса познания.

Экспертизу как процедуру исследования культуры понимания в журналистике представляла аспирантка кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций О. С. Путинцева. Докладчица обосновала использование методики экспертизы в соответствии с целью эмпирического исследования. Целью является определение уровня культуры понимания в практической журналистике, она предполагает последовательное решение нескольких задач, что было отражено в представленной программе экспертизы. Подробно О. С. Путинцева

остановилась на первом этапе программы, который прошел апробацию в среде практикующих журналистов, и результаты вызвали интерес у присутствующих на семинаре. Ряд методических уточнений, сделанных в ходе обсуждения, был принят на вооружение аспиранткой для организации последующих этапов исследования.

Доц. кафедры речевой коммуникации В. В. Васильева начала свое выступление с признания в том, что тема дискуссии ее по-настоящему волнует. При определении своего методического подхода исследовательница постулирует понимание как интерпретирующую текстовую деятельность, а собственно метод именуется деривационным. Термин из военного дела «деривация» в лингвистике некогда употребляли в значении словообразования, а со временем под этим именем стали рассматриваться структурные превращения одного в другое на всех языковых уровнях. Таким образом, деривационный метод, который представила В. В. Васильева, всегда имеет дело с двумя текстами: исходным и текстом, который получился на базе исходного в ходе интерпретации. Понимание медиатекста рассматривается здесь как его переструктурирование, которое может происходить различными способами. Три из них представляются докладчице ключевыми. Это механизмы идентификации, драматизации и синхронизации, чье единство при интерпретации было проиллюстрировано комментариями к одной из записей в блоге Бориса Акунина.

Проблемам понимания аудиовизуальных текстов посвятила свой доклад проф. кафедры телерадиожурналистики М. А. Бережная. Методы, которые традиционно применяются к изучению аудиовизуальных текстов (контент-анализ, описание и др.), по мнению исследовательницы, не передают их настоящих смыслов. Между тем некоторые из смыслов закладываются в медиатекст еще при его производстве. Способ, с помощью которого предлагается вычленять такие смыслы, докладчица назвала методом эмоционально-смысловых доминант, используемым в литературоведении, психолингвистике и др. Подробнее на элементах, создающих эмоциональный и

смысловой контур аудиовизуального текста, проф. М. А. Бережная остановилась на примере курсовой работы одной из студенток. Метод был опробован в ходе изучения видеоматериалов о достижении медицины и выявил соответствующий дискурс.

Последовавшая за докладом дискуссия затронула выступления и В. В. Васильевой, и М. А. Бережной. С одной стороны, обсуждалось, можно ли авторские методы применить для изучения исследовательских текстов. Эффективным в этом случае был признан деривационный метод, при выполнении его обязательного условия — наличие двух текстов, например, научной статьи и студенческой работы, выполненной на ее основании. С другой стороны, участников семинара интересовало, можно ли вооружить журналистов-практиков означенными методами? По мнению М. А. Бережной, не просто можно, но и нужно, ведь «часто человек, написавший текст, не умеет донести смысл этого текста».

Немалый интерес у всех присутствующих вызвало выступление проф. кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций И. Н. Блохина на тему «Понимание человека в журналистском творчестве. Человек как текст: опыт „прочтения“». Понимание человека в журналистском творчестве, как полагает исследователь, базируется на категории социального действия. Оно проходит через стадии объяснения, усвоения и интерпретации. Методически понимание человека предполагает выделение внешних рациональных статусных индикаторов и внутренних идентификационных характеристик личности, что нашло отражение в схемах, представленных докладчиком на экране. «Можно продолжить выстраивать эти матрицы, — резюмировал ученый. — Но, как мне представляется, это путь не совсем продуктивный. Он не объясняет поведение человека». В некотором смысле данный вывод подтвердила и апробация метода, названного автором герменевтическим. Медiateксты, посвященные катастрофе с пассажирским самолетом, пилотируемым немецким летчиком Андреасом Любицем, 24 марта 2015 года, продемонстрировали, с помощью каких герменевтических при-

емов журналист может понимать человека (социальное действие). Это творческая герменевтика на уровне композиционной структуры произведения, исследовательская герменевтика журналистского поиска, авторская философская герменевтика и др. Но, несмотря на это разнообразие, мотив героя публикаций так и не был понят.

Участники семинара оценили методологический потенциал результатов исследования И. Н. Блохина. «Отсюда мы можем строить очень интересные и совершенно конкретные технологии, — отметила В. В. Васильева, — исследовательские, анализирующие». В целом доклад затрагивал проблемы и методы, о которых шла речь в других сообщениях, тем самым связывая и обобщая сказанное.

Тема доклада доц. кафедры английского языка В. Ю. Голубева, принявшего приглашение выступить на семинаре, — «Дискурс СМИ как инструмент общественной дипломатии». На материале публикаций, посвященных перекрестному году культур Великобритании и России 2014, докладчик рассматривает журналистику как общественную дипломатию, гражданскую дипломатию и пропаганду. «В данном культурно-политическом проекте российские и британские СМИ оказываются на распутье: они могут либо принять на себя роль культурного пропагандиста собственной страны, и это будет чисто общественная дипломатия, либо послужить мостом между странами в сфере налаживания взаимопонимания — это общественная дипломатия через гражданскую дипломатию». Рассматриваемая проблемная ситуация, таким образом, раскрывает понимание журналистского дискурса через его функциональность.

Интуитивному пониманию мира в журналистике посвятил свое выступление В. А. Сидоров, проф. кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций. Докладчик начал с того, что огласил некоторые варианты названия своего исследования. «Эти колебания с заголовком отражают те неизбежные двойственные, тройственные способы прочтения того, что сказано об интуиции», — пояснил ученый. В ходе работы с литературными источниками об интуиции исследователь обратил внимание на

то, что они не затрагивают журналистику; кроме того, все они рассматривают интуицию как состояние сознания, а об интуитивном понимании мира почти не говорят. Опорой интуитивного понимания, как он представляется В. А. Сидорову, служит ценностный подход. «Ведь самое интересное во всей процедуре интуиции заключается в том, — акцентировал ученый, — что мы что-то находим интуитивно, а потом на рациональном уровне это начинаем объяснять и определять». Таким образом, в журналистике речь идет об интуитивно-рациональном методе, который основан на ценностно-рациональном подходе.

Вопрос о том, что первично: рациональное или интуитивное, — послужил поводом для дискуссии. Если решение вопроса на философском уровне не входило в цели семинара, то в контексте журналистского творчества проф. В. А. Сидоровым были приведены убедительные аргументы в защиту своего метода. Также в обсуждении был упомянут ученый У. Чейф, чей метод интроспекции В. А. Сидоров считал полезным для дальнейших уточнений в своем исследовании.

В заключительной реплике проф. кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Н. Л. Волковского был сделан упор на классические методологические подходы к изучению журналистики, а именно исторический и логический. Это было важно отметить, так как журналистика всегда имеет дело с фактами действительности, нередко историческими.

O. S. Putintseva

St Petersburg State University

THE THEMATIC AND PROBLEM FIELD OF THE SEMINAR

The “Methods and procedures of understanding in journalism and mass communications” meeting speeches’ summary is presented in the article. Special attention is paid to the discussion points.

Keywords: culture of understanding, journalistic method, method of understanding.

М. А. Бережная

ПОНИМАНИЕ В ЖУРНАЛИСТИКЕ: ОТ ТЕКСТОВ — К ДИСКУРСАМ

В статье представлен ряд методик исследования аудиовизуального контента, направленных на выявление смыслов и коммуникативных интенций автора. Анализ отдельных текстов, составляющих поток аудиовизуальной информации, дает исследователю возможность выявлять дискурсы в конкретных тематических нишах.

Ключевые слова: ТВ, метод эмоционально-смысловых доминант, дискурс, направление информации.

Непрерывный поток информации, в котором действует современный журналист и существует аудитория, требует навыков вычленения смыслов, как от производителя информации, так и от ее потребителя. Приемы актуализации смыслов (иначе говоря, приемы, способствующие взаимопониманию сторон информационного процесса) обеспечивают эффективную коммуникацию, но при этом могут обнаруживать дискурсивную заданность, которая, в свою очередь, может выявляться принимающей стороной и прочитываться как коммуникативная интенция. В одном случае мы имеем дело с методикой донесения смыслов (понимание как производство), а в другом — с методикой расшифровки смыслов (понимание как разоблачение). Процесс исследования производства и потребления информации происходит на основе большого массива медиатекстов, что позволяет выявить не только приемы подачи, характерные для отдельного материала, журналиста, канала, жанра, но выявить устойчивые смысловые тренды, дискурсы, актуальные для определенных тем, феноменов, проблем. Это тем более важно, что смысловое поле современных медиа изменчиво: происходит постоянная смена фокуса внимания, настроений, ньюсмейкеров, трактовки событий, дискурсов и т. д.

Методики актуализации смыслов на уровне конкретных материалов формируют устойчивые практики, анализ которых и является понятийные тренды информационного потока.

Исследование данных процессов представляется наиболее актуальным для аудиовизуального контента, а именно для телевизионных текстов, в силу комплексного воздействия выразительных средств и фонового потребления информации. В условиях современного медиаландшафта именно ТВ является наиболее сильным фактором формирования смыслового поля социума. По данным «Левада-центра», ТВ — главный источник информации и для тех, кто ему доверяет (для 92% этой группы), и для тех, кто ему не доверяет (для 88% соответственно). Действие данного фактора подтвердила, в частности, кампания по освещению событий в Крыму и Украине: чем дольше они освещались по ТВ, тем меньше у россиян оставалось сомнений в объективности показанных сюжетов. По данным опроса в мае 2014 г., общественное мнение стабилизировалось, достигнув максимального уровня доверия к федеральным СМИ — 70% [4].

Синергетическое воздействие аудиовизуального текста формируется во взаимоусилении выразительных средств ТВ, что возможно исследовать, применяя метод **ЭМОЦИОНАЛЬНО-СМЫСЛОВЫХ ДОМИНАНТ**, который традиционно используется при психолингвистическом анализе художественных текстов, позволяя увидеть в них определенные акцентуации модели мира [2]. В телевизионном материале такие доминанты конструируются на уровне производства и презентации текста, с учетом условий его восприятия и дают возможность зафиксировать ключевые значения массивированного аудиовизуального потока.

Смысловые отношения в тексте имеют интонационное оформление, интонационные контуры [1], которые для зрителя, воспринимающего сообщение «в пол-уха», иногда могут значить больше, чем содержание слов. Благодаря интонации, с которой произнесен текст, одни и те же слова наполняются разным смыслом. Таким образом, в реализации смысловых отношений участвуют, помимо словесного ряда, смысловое (фразовое) ударение, пауза, темп, мелодика. Основные типы логических отношений в тексте, которые передаются интонацией: перечисление, разъяснение, развитие,

противопоставление, причинно-следственные отношения, сопоставление, заключение, разрыв. Например, фраза «В этом доме живут и молодые, и старые», произнесенная с интонацией перечисления, будет означать «дом для всех», а с интонацией противопоставления — «место потенциальных конфликтов». Произнося фразу «Россия огромная и богатая страна. В ней так много талантливых, незаурядных умов!» с интонацией перечисления, журналист просто расхваливает страну, а используя интонацию разъяснения, укажет, что главное ее богатство — незаурядные люди. Использование смысловых контуров традиционно входило в подготовку дикторов советской школы и способствовало приданию звучащему тексту определенного и однозначного смысла.

Метод эмоционально-смысловых доминант был опробован в курсовой работе О. А. Тарасовой при анализе новостных телесюжетов Первого канала, НТВ, Пятого канала (сентябрь — ноябрь 2014 г.), посвященных достижениям медицины. Помимо интонационно-лексического и композиционного анализа проводилась оценка видеоряда в аспекте его связи с доминантами текста. В исследуемой тематической нише удалось выделить ряд характерных доминант: результативность современной отечественной медицины, ее преимущество перед западной медициной, ее доступность. Доминанты проявляются, в частности, в акцентуации противопоставлений на композиционном и лексическом уровне: до лечения — после лечения, сейчас — в будущем; раньше — теперь, у нас — за границей.

Например: «*За границей* используется химический метод детекции, он сложный, дорогостоящий и самое главное — он не всегда дает воспроизводимость результата. *Наш* метод простой, и для его проведения требуется достаточно мало оборудования» (Новосибирские ученые разработали метод ранней диагностики онкозаболеваний по анализу крови // Первый канал. 2014. 26 сент.). Журналист подчеркивает лексическую антитезу с помощью интонации. Надо уточнить, что в исследованных материалах такое противопоставление используется лишь в случае превосходства отечественной технологии.

В сюжете использованы графические схемы, рисунки, визуальные ассоциации. Сопоставление смысловых ударений с визу-

альным рядом дало возможность выявить, что доминанты помогают более доступно и понятно для зрителя раскрыть содержание сложных медицинских процессов. В упомянутом материале Первого канала зритель видит схематичное изображение молекулы ДНК и разрезающего ее фермента. В тексте фермент сравнивают с портным, в графическом изображении он предстает в виде ножниц, за счет чего происходит визуализация сравнения.

Ассоциативный видеоряд используется для расширения и усиления смыслов: символом неразрешенных проблем в области здравоохранения чаще всего является пожилая женщина-пациентка, одиноко идущая по коридору клиники; символ времени — часы либо капельница; если журналист говорит о развитии медицины в будущем, то в кадре часто появляются пациенты-дети, как представители будущего страны.

Роль эмоционально-смысловых доминант успешно выполняют эмоциональные лайфы и синхроны с героями: «Как мне сказал доктор, завтра я уже буду ходить. Болей никаких, то есть *это чудо!*» (Хирургия на автопилоте // НТВ. 2014. 6 нояб.). Характеристика нового способа лечения через восторженную оценку пациента, испытавшего на себе данный метод, придает соответствующий смысл новому медицинскому открытию. Канвой подобных сюжетов, по наблюдениям, чаще всего становится реальная история человека, рассказанная по «сказочным» канонам — с шокирующей завязкой и счастливой концовкой.

Итак, примененный метод позволил обозначить основной дискурс медицинской информации в выпусках телевизионных новостей: достижения отечественной медицины очевидны и доступны населению. Таким образом, понимание как производство, воплощаясь в конкретных приемах презентации аудиовизуальной информации, формирует дискурс, обеспечивая коллективное понимание явления аудиторией (понимание как разоблачение), и данный процесс можно проследить.

В связи с рассмотренным выше методом нельзя не упомянуть близкую ему методику анализа социальной информации [3], которая направлена на выявление смысловых акцентов текста с использованием таких характеристик, как *направление* инфор-

мации (восходящее и нисходящее), а также *уровни* информации (микро-, мезо-, макроуровень). Формируемая в результате информационная кривая соотносится с самым общим представлением о дискурсе (проблемном, позитивном и т. д.) или о смысловых доминантах в той или другой тематической нише.

Вместе с тем методики анализа контента (текста, совокупности текстов, аудиовизуального потока) не дают полного представления о результате коммуникации — о понимании сообщения реальным адресатом, целевой аудиторией, разными аудиториями. Данные методики, по сути, способствуют исследованию понимания текста журналистом, а также выявлению коммуникативных интенций и смыслов при экспертном анализе. Оптимальным методическим решением представляется комплексный анализ текстов — с привлечением исследований восприятия аудитории.

Л и т е р а т у р а

1. Артоболовский Г. В. Художественное чтение. М., 1978.
2. Белянин В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М., 1988.
3. Бережная М. А. Проблемы социальной сферы в алгоритмах телевизионной журналистики. СПб., 2009.
4. Российский медиаландшафт: телевидение, пресса, Интернет. <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-prensa-internet>.

M. A. Berezhnaya
St Petersburg State University

UNDERSTANDING IN JOURNALISM: FROM TEXTS TO DISCOURSES

The article presents some methods of the audiovisual content analysis aimed at understanding of real meanings of the texts and communicative intentions of the authors. Analysis of the texts constituting the stream of audiovisual information gives us opportunity to reveal discourses in certain thematic niches.

Keywords: TV, emotional-semantic dominants, discourse, information direction.

И. Н. Блохин

Понимание человека в журналистском творчестве. Человек как текст: опыт «прочтения»

Статья посвящена пониманию человека в методологии журналистского творчества. Обосновывается текстуальная природа социального действия. Выявляются смысловые ограничения понимания в журналистике и ее функциональные особенности в контексте герменевтики.

Ключевые слова: понимание, действительность, реальность, журналистика, идентификация, герменевтика.

Центральным объектом понимания в процессах коммуникации выступает человек, который проявляется в непосредственно социальном действии и опосредованно в тексте (или как текст). «„Социальным“ мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом (или действующими лицами) смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [3: 603]. Главный признак социального действия — субъективный смысл. Понимание человека достигается путем постижения смыслов, которыми он руководствуется.

Для понимания текста тоже необходимо наличие в нем смысла, понимание текста означает понимание замысла автора, мотивов действий и переживаний героев, ощущения читателя, включая оценку на основе существующих в его социально-культурной среде принципов и норм. Проблему понимания текста ставит Аристотель: «...каждое слово должно быть понятно и обозначать что-то, и именно не многое, а только одно; если же оно имеет несколько значений, то надо разъяснять, в каком из них оно употребляется» [1: 280]. Речевой акт в понимании средневековых схоластов предполагает языковую конвенцию (общность языка коммуникации) и речевую конвенцию (употребление слов в их собственных, определенных значениях, понятных собеседникам из контекста беседы) [24: 63-64].

Понимание текста возможно лишь при условии реконструкции значений понятий (Гегель: «познавание в понятиях» [7: 223]), представлений (Гадамер: «понимание — это самопонимание в чем-то» [5: 227]) и контекста (А. С. Казеннов: «понять предмет — значит выяснить его связи с другими предметами» [11: 82]). Логический процесс понимания состоит из объяснения, усвоения (согласия, «договора» с установленными значениями понятий, представлений и контекста) и интерпретации. Деррида утверждает, что текст исключает смысл из-за множественности интерпретаций [9: 171]. В данном смысле понимание приобретает качества коммуникативного эффекта: эффективным будет такой текст, в котором адресат выявит авторский смысл без искажений и добавлений.

Высказывание выступает как форма движения мысли к слову (знаку), что имеет последствие в форме различия действительности и реальности. Действительность — это совокупность фактов (включая социальные действия), сведения о которых являются информацией. Реальность — это образ действительности, существующий в человеческом сознании или его групповых формах (массовое, общественное, национальное). Реальность есть продукт ощущений от действительности. Реальное образуется путем фильтрации действительного через призму ценностей, мировоззрения, менталитета. Понять человека означает понять его реальность.

Противоречие фактического и реального выражается в протесте против действительности и ее оправданий. Источники протеста определялись Кантом (опыт нравственного признания [12: 598]), Гегелем (опыт принуждения [6: 142–143]), Хайдеггером (бытие к смерти [25: 235]), А. А. Зиновьевым (интеллектуальный фактор [10: 7]).

Условием понимания текста является смысл, выраженный в ощущении адресата и включающий в себя субъективную оценку. Сущность понимания текста состоит в автокоммуникации адресата, итогом которой является *идентификация* как достижение его тождества с текстом (то есть с собеседником). Так, понимание героя произведения в трактовке М. М. Бахтина достигается

путем «вживания»: «я должен пережить — увидеть и узнать — то, что он переживает, стать на его место, как бы совпасть с ним» [2: 106].

Процесс идентификации также следует рассматривать как способ принятия социальной роли в отношении сообщения и условие возникновения интереса к произведению. Тождество текста и человека обусловлено их общей знаковой природой: бытие человека «закрывается» символами — статусом, социальным действием (включая медиаповедение [23: 221-226]), письмом и речью, внешней атрибутикой и пластикой. Таким образом, существуют основания для того, чтобы «читать» (понимать) **человека как текст**. В этом заключается предлагаемый нами методический подход к пониманию человека в журналистике.

Стадиальность понимания как процесса — объяснение, усвоение и интерпретация — обусловлена структурой личности [14: 227-237] с выделением компонентов *me*, *I* и *self*. Английское *me* (меня) рефлексивно и социально-нормативно, основано на ожиданиях других людей и «обобщенного другого». Оно требует объяснения как рационального обоснования социального действия. Роль СМИ в формировании образа «обобщенного другого» выражена, в числе прочего, в явлении «спирали молчания» [15: 34]. Рационализация объяснения связана с необходимостью его «проговаривания», внешнее «прочтение» человека учитывает, прежде всего, его социальные статусы. Соответствие роли статусу на этапе объяснения подразумевается как аксиома социального действия.

Импульсивное *I* (я) выражается в творческом усвоении понятий, представлений и контекста. На этом этапе «прочтение» человека выражено в идентификации, социальной игре [8: 47]. Процедура понимания, включающая в себя оценивание и «вживание», проявляется также в феномене «языковой игры» [4: 330].

Self (самость) как совокупность импульсивного и рефлексивного проявляется в способности оценивать и конструировать социальные действия. Игра осуществляется на уровне интерпретаций, творческого осмысления человеческих поступков, поведения и деятельности. Она подкреплена пониманием характера,

анализом событий, логикой отношений. Без этого «игра больше напоминает истерический припадок, ведь чувство не возникает само по себе, его появление напрямую зависит от тех впечатлений, событий, интересов, которыми человек живет в настоящем. А обработка этих впечатлений, событий и интересов — функция мысли» [21: 6].

Таким образом, методически понимание человека предполагает выделение как внешних рациональных статусных индикаторов, так и внутренних идентификационных характеристик личности. В медиасфере внешнее регулирование со стороны производителей информации и регуляторов коммуникаций проявляется путем сегментирования целевых аудиторий по признаку социальных характеристик. В журналистских произведениях внешний анализ представлен объяснительными моделями корреляций статусов личности и ее социальных действий. «Внешние» социальные статусы и роли представлены в таблице 1.

Таблица 1

Социальные индикаторы («внешние»)

Группа индикаторов	Индикаторы
Социально-демографические	пол, гендер; возраст; гражданство, место жительства, тип поселения; национальность, язык; состав и жизненный цикл семьи
Социально-профессиональные	профессия, род занятий, профессиональный статус; тип предприятия
Социокультурные	образование; вероисповедание; субкультурные и контркультурные особенности; досуговые практики

Политические	избиратели; члены партий и общественных движений; активисты; персонал
Потребительские	доход; активность потребления; лояльность торговой марке; степень использования товара; опыт потребления

К внешним индикаторам также относятся устойчивые психологические характеристики личности, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Психологические индикаторы («внешние»)

Группа индикаторов	Индикаторы
Социально-психологические	пикник: контактность и адаптируемость; атлетик: общительность и экспрессивность; астеник: сдержанность и осторожность
Тип мышления	художественный, логический, смешанный
Темперамент	холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик
Направленность	интроверт, экстраверт, амбиверт

Внутренние идентификационные характеристики подвижны, связаны с интересами, стремлениями, склонностями, идеалами. К ним относятся ценности, ценностные ориентации, мировоззренческие принципы (таблица 3).

Таблица 3

Внутренние идентификационные характеристики

Группа характеристик	Идентификационные характеристики
Идеологические	консерваторы, либералы, коммунисты, социал-демократы, националисты; левые — центристы — правые
Производственно-потребительские	новаторы, ранние последователи, раннее большинство, позднее большинство, отстающие
Тип доминирования инстинкта	эгофильный (самосохранение); генофильный (продолжение рода); альтруистический (взаимопомощь); исследовательский (любопытность); доминантный (лидерство); либертофильный (свобода); дигнилофильный (сохранение достоинства)...
Тип идентификации в коммуникации	функция, персонаж, образ, автор
Тип медиаповедения	потребитель, коммуникатор, автор, навигатор
...	...

Таблица 3 открыта для заполнения, так как исследователь, представляющий предметно-специализированные области знания, может предложить собственные основания для выделения характеристик личности. Построение подобных «матричных» типологий возможно в отношении анализа, например, речевых характеристик [22], знаково-символической атрибутики [13] или языка жестов и мимики [16].

Способы понимания человека, которые предлагают авторы публикаций, находятся в диапазоне от объяснения до интерпретации. Рассмотрим публикации, в которых демонстрируются разные позиции в освещении катастрофы самолета компании Germanwings во французских Альпах 24 марта 2015 года.

1. В статье Анны Розэ «Катастрофы могло и не быть» в «Российской газете» автор технологично следует фактам, документальным и экспертным свидетельствам, использует информацию прессы. Причины катастрофы понятны, поведение пилота находит свое объяснение. Используются следующие источники: 1) заявление прокуратуры; 2) данные следователей; 3) заявление представителя авиакомпании; 4) заявление представительницы университетской больницы Дюссельдорфа; 5) сообщение подруги пилота о недовольстве Андреаса Любитца условиями работы; 6) биографические сведения; 7) сообщения германской прессы («Вельт ам зонтаг», «Бильд ам зонтаг», «Бильд») [19].

2. В интервью немецкого журналиста Кристофа Херстеля на канале Klagemaueer TV акцентируется внимание на фактических противоречиях, которые игнорируются в ходе расследования из-за доминирования версии о психическом заболевании пилота. Проблема объясняется наличием профессиональных барьеров в доступе к информации, ее блокированием: «Журналистика, оценка фактов, становится невозможной, если только работать с сомнительными утверждениями... Журналистики как таковой больше не существует... На этот раз противоречивыми утверждениями больше не занимаются... К этому нет доверия» [26].

3. Эдуард Лимонов также обращает внимания на противоречия, предлагая конспирологическую версию события: «Как изумительно, блистательно быстро нашли виновного в крушении авиалайнера компании Germanwings, второго пилота, честного улыбчивого германского парня 28 что ли лет, мертвенького! и сделали его зловещим хмурым массовым самоубийцей — преступником, на основании нескольких звуков в одном черном ящике! Уже и обыски делают, торопят, быстрее! Чтобы спешно скрыть за днями и часами и мусором новостей настоящую причину крушения, вероятнее всего, это были испытания системы

лазерного оружия США». Причины произошедшего автору понятны, но официальной версии он не доверяет [27].

4. Александр Проханов отрицает саму возможность понимания причин катастрофы: «Это убийство не находит себе объяснений, порождает массу версий, самые оригинальные из которых связаны с психиатрией отдельно взятого персонажа...». Для автора в его интерпретации события главным является контекст: «отдельно взятый немец, являясь частью этого народа, в состоянии совершить подобные акции самоубийства... Германский народ... чудовищно изнасилован и многократно изнурен... Немцы были нивелированы, немцам запретили ощущать себя великой готической, стремящейся к небесам нацией. И каждый шаг сегодняшнего немца, каждый шаг сегодняшнего германского общества контролируется и подвергается усечению, огромному давлению. И это порождает в народе глубокую депрессию... акт самоубийства вовсе не значит, что это акт страдания и желание порвать с жизнью. Быть может, этот акт следует трактовать как акт восстания. Может быть, немец или Германия, находящиеся в страшном унижении, стремясь вырваться из-под контроля, прибегают к последнему средству — к смерти, которая спасает человека от этого контроля» [17]. Для Проханова выявленный им контекст события является только поводом к философско-публицистической интерпретации.

Согласно Хайдеггеру, бытие при жизни никогда не является «целым» и «завершенным», в нем не реализована смерть как его главная возможность. Но достигать конца, чтобы осознать свое «бытие к смерти», нет необходимости: основание невозможности целостности бытия лежит не в несовершенстве познавательной способности, «помеха встает со стороны бытия этого существа» [25: 236]. Бытие человеческой сущности имеет матричную природу, себя и других человек привычно понимает как текст.

В журналистике взаимное понимание может достигаться, даже если проблемы в каком-либо тексте не упоминаются. Значение имеет интегральное освещение события и способность адресата к интегральной организации информации, то есть понимание достигается в результате не актуального разъяснения, а существующей модели восприятия. Понимание, таким образом,

устанавливается не только на основе сказанного, но и на основе невысказанного. Понимание устанавливается не вследствие строгости употребления понятий, а в результате взаимного согласия с их смыслом. В понимании заключено ожидание соответствующей реакции адресата.

Сформулированные положения можно рассматривать в качестве оснований *герменевтики журналистики* как исследовательской герменевтики журналистского поиска (пример 2), как авторской философской герменевтики (пример 4), как творческой герменевтики на уровне композиционной структуры произведения (пример 1). Автор передает свое представление о мире через акцентные особенности той реальности, которую он выстраивает в произведении (примеры 1 и 3), через символическую концепцию (пример 4) — не только с помощью конкретных вещественных символов, но и самого произведения и своего СМИ как символа. Представление о мире — это и рассказ о происходящем «внутри» текста (пример 1), и повествование о большей реальности, которая простирается за его рамки и в которой находятся и сам автор, и адресат (примеры 2, 3 и 4).

Об этой реальности рассказывается не напрямую, но так, что адресат все прекрасно понимает (пример 2), а непрямая передача смысла является по определению символической. «Мы больше привыкли под символом подразумевать что-то более конкретное, однако символическая конкретика, и уж тем более аллегорическая конкретика являются лишь частным случаем символизма, который в самом общем виде сводится к принципу непрямо́й передачи смысла» [20: 41].

Журналисты редко вкладывают в произведение иной смысл, кроме того, который прямо связан с описанными в нем событиями. Если адресат (или медиаакритик) иногда «вычитывает» смыслы, то это не значит, что этого смысла там действительно не было. Он там есть, даже когда автор сознательно его не вкладывал. Поскольку реальность сама по себе обладает смыслом, при ее демонстрации автор воспроизводит и ее смыслы.

С пониманием человека сложнее. Для начала требуется выявить, понимает ли человек сам себя как текст, какие значе-

ния он вкладывает в этот текст. Ответом здесь может быть наблюдение за тем, как человек оценивает («читает») других. В основе характеристики лежат методы оценки «от себя» («если некто таков, то он таков в сравнении со мной»), «от подобного» («если некто таков, то он таков в сравнении с подобным») и «от обобщенного другого» («если некто таков, то нормально ли это?»).

Протест человека против действительности имеет антропологическую природу. Протест (равно как и оправдание) в отношении фактического мира вызван не только противоречием действительного и реального, но и самим способом оценивания человека не просто через текст, но и как текст. Сам «матричный» характер понимания вызывает протест против текстуального прочтения человека.

Методически решение проблемы понимания в той части, которая имеет отношение к наблюдаемому и фиксируемому социальному действию, заключается в анализе структур времени и внимания. Например, в анализе медиаповедения человека важно определить, какую долю в бюджете времени занимают медиа в их содержательном, стилистическом и формальном измерениях. В какой связи массовая информация и коммуникация находятся с потребностями и интересами человека? Какими способами авторы, организаторы информации и регуляторы коммуникаций осуществляют стимулирование идентификаций? Какова степень взаимного доверия / недоверия в медиасреде?

Понимание в качестве цели и результата журналистской деятельности предполагает включение объяснения и интерпретаций в комплекс журналистских функций. Однако следует учитывать и «сопротивление материала» в среде массовых коммуникаций, то есть ограниченность влияния журналистики в процессах понимания социальных действий и поступков человека: «Никакой человек, как бы могуществен он ни был, не может вынуть из сознания людей установившиеся понятия и представления и вложить взамен их другие, им самим придуманные» [18: 558].

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Соч. в 4-х томах. Т. 1 / ред. В. Ф. Асмус. М., 1976.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Собр. соч. Т. 1. М., 2003.
3. Вебер М. Основные социологические понятия // Избр. произв. М., 1990.
4. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М., 1988.
6. Гегель Г. Философия права. М., 1990.
7. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М., 1977.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000.
9. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
10. Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006.
11. Казеннов А. С. Понятие как средство и цель понимания // Век информации. Журналистика XXI века: культура понимания. № 2 (S2) / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. СПб., 2015.
12. Кант И. Критика чистого разума // Соч. в 8-ми тт. Т. 3. М., 1994.
13. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М., 2001.
14. Мид Дж. Аз и Я // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В. И. Добренькова. М., 1994.
15. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
16. Пиз А. Язык телодвижений. М., 2006.
17. Проханов А. А. Истинный ариец // Завтра. 2015. 2 апр.
18. Розанов В. В. Сочинения. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1995.
19. Розэ А. Катастрофы могло и не быть. Большая психика второго пилота унесла 150 человеческих жизней // Рос. газ. 2015. 30 марта.
20. Салынский Д. А. Киногерменевтика Тарковского. М., 2009.
21. Сарабьян Э. Актерский тренинг по системе Станиславского. Интеллект. Воображение. Эмоции. Метод действенного развития. М., 2011.
22. Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / отв. ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев. М., 1976.
23. Современный российский медиаполис / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2012.
24. Схоластический рационализм в истории мышления: от Средних веков к Новому времени / отв. ред. Д. В. Шмонин. СПб., 2012.
25. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
26. „Journalismus gibt's nicht mehr“ (Interview mit Christoph Hörstel). 2015. 20 апр. URL: <http://www.klagemauer.tv/index.php?a=showportal&keyword=russisch&id=5769>.
27. Politikus.ru. 2015. 27 марта. URL: <http://politikus.ru/events/46613-i-eschenemnogo-informacii-o-padenii-samoleta-germanwings-skazki-dlya-slaboumnyh.html>.

I. N. Blokhin

St Petersburg State University

UNDERSTANDING OF THE HUMAN IN JOURNALISTIC CREATIVITY: THE EXPERIENCE OF “READING” OF A PERSON AS A TEXT

The article is devoted to the understanding of man in the methodology of journalistic creativity. A textual nature of the social action is being proved. In the article are formulated semantic limitations of understanding in journalism, the functional features of journalism in the context of hermeneutics.

Keywords: understanding, fact, reality, journalism, identification, hermeneutics.

А. Ю. Быков

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ

В статье рассматриваются основные направления, подходы и методы теоретического исследования журналистики. Автор обзревает наиболее известные публикации российских ученых в области журналистики, медиа и массовых коммуникаций и формулирует прогнозы о перспективах работы в этой области.

Ключевые слова: теория журналистики, Россия, методы, методология.

При всем многообразии изысканий, посвященных природе журналистской практики и теориям, объясняющим суть данного вида массово-информационной деятельности, журналистской науке до сих пор не хватает четкости в определении самого предмета

исследования — журналистики. Такое положение вещей указывает на необходимость более основательной проработки методологии, без которой невозможна любая наука. Анализ материалов научных статей, пособий, монографий подтверждает необходимость обобщения разрозненных данных и актуальность вопроса о выработке новых оригинальных исследовательских подходов.

Отечественной науке о журналистике известны различные методы, которые использовались на разных исторических этапах. О журналистике, прежде всего, размышляли сами журналисты: в XVIII веке в России это были Ломоносов и Новиков, в XIX — Вяземский, Белинский и многие другие. Впоследствии к ним примкнули ученые — историки, филологи, юристы. Первые шаги научного исследования СМИ были эмпирико-описательными с элементами эссеистского комментирования.

В конце XIX — начале XX века стала складываться академическая школа исследователей отечественной периодики. Ее представители — А. М. Скабичевский, М. К. Лемке, Н. А. Энгельгардт — описывали отдельные издания и группы СМИ, использовали архивы цензурных ведомств. Б. П. Козьмин, В. Е. Евгеньев-Максимов обратились к дореволюционным печатным изданиям и отдельным журналистам. Этот этап сменился временем господства идеологического подхода. Развитие печати оценивалось в соответствии с марксистско-ленинским учением, увязывалось с этапами революционного процесса.

Однако с 60–70-х годов прошлого столетия ситуация стала меняться. Не будучи удовлетворенными эмпирико-эссеистическими и нормативно-идеологическими подходами, специалисты предпринимали попытки использовать новые методы. В область знаний по методологии исследования журналистики внесли свой вклад многие ученые. В Москве это А. В. Западов, Б. И. Есин, Е. П. Прохоров. В Ленинграде-Петербурге — А. Ф. Бережной, Г. В. Жирков, С. Г. Корконосенко. В Свердловске-Екатеринбурге — М. М. Ковалева. В Ростове-на-Дону благодаря усилиям Я. Р. Симкина одно время выходил сборник «Методы исследования журналистики». Этой проблематике уделяли внимание Е. А. Корнилов, А. И. Станько и многие другие (36: 16–18).

К началу XXI столетия определился ряд наиболее востребованных среди исследователей методологических подходов: институциональный, функциональный, деятельностный, системный, исторический, филологический, социологический, коммуникационный, эмпирический и др. Каждый из них имеет свои достоинства и также — поводы для критических оценок.

Институциональный метод предполагает осмысление феномена как особого социального института со своей законодательной базой, нормами, требованиями, организационной структурой. Этот подход проявился в работах Н. К. Заики, А. Г. Рихтера, М. А. Федотова, которые рассматривали журналистику как субъект права (15; 37; 38; 52), исследовали специфику функционирования журналистики в области правовых отношений. В специальной литературе описывается и иной аспект журналистики как социального института, а именно характеристика ее структурных составляющих. Например, уделяется внимание системе различных учреждений, образующих журналистский комплекс — газетные и журнальные редакции, издательства, теле- и радиоконпании, агентства и т. д. Учебное и научное обеспечение журналистики осуществляется университетами и другими учебными и исследовательскими структурами (33: 12–13). Этим же термином — журналистика — обозначается продукция журналистской деятельности — произведения, из которых составляются номера газет и журналов, программы радио и телевидения (24: 3).

Появлялись исследования, в которых журналистика рассматривалась как определенный тип социального института (политический, финансовый), описывалось ее проявление в разных общественных сферах. Политическое направление изучения журналистского феномена определили работы А. А. Грабельникова, Я. Н. Засурского, М. М. Ковалевой, С. Г. Корконосенко, Е. П. Прохорова и т. д. (7; 13; 14; 12; 34). Осмысление журналистской практики в этом контексте велось весьма активно и вышло на междисциплинарный уровень, с привлечением политологии, социологии, философии и других наук. Взаимосвязь журналистики с научной, культурной, финансовой областью и многими други-

ми сферами также рассматривают многие авторы: В. Д. Мансурова, Л. Г. Свитич, И. Д. Фомичева (26; 41; 53) и другие.

Достоинством институционального подхода является его системность, стремление к комплексному осмыслению явления или процесса. Это позволяет показать многоплановость журналистской практики, взаимосвязь журналистики с иными социальными институтами. К недостаткам данного метода относится расширительное объяснение журналистики (зачастую в контексте иных проявлений общественной жизни — культуры, науки, права и пр.), что оставляет открытым вопрос об ее более четком определении.

Функциональный подход предполагает описание явления исходя из задач, функций. Попытки исследовать медийные процессы в этой плоскости предпринимались неоднократно. Так, Е. В. Ахмадулин ставит перед журналистикой задачи информировать массовую аудиторию, воспитывать, развлекать, а также отражать и формировать общественное мнение. По мнению В. В. Тулупова, журналистика обладает возможностью «формировать сознание масс, ориентировать их в явлениях, процессах и закономерностях социальной жизни, прогрессивно влиять на их убеждения, взгляды, идеалы, стремления, показывать пути и средства достижения целей, направлять социальную активность людей в соответствующее целям русло». Е. П. Прохоров, обращая внимание на функциональную сторону журналистики, отмечает, что она может выступать «как социальное явление, выполняющее систему специфических функций по массово-информационному обеспечению жизнедеятельности социального организма». С. А. Михайлов выделяет управленческую (манипуляторскую) и коммуникативную функции прессы, не исключает ее рассмотрение в рамках теории «СМИ — четвертая власть» и т. д. (2: 207–208; 51: 5; 28: 12–35).

Функциональный подход позволяет выявить своеобразие журналистики, сравнить ее с иными проявлениями социальной практики исходя из задач, функций. Однако не всегда такое сравнение может быть показательным, сложно выделить задачи, решением которых призваны заниматься журналисты и только

журналисты. Например, управленческая или манипуляторская функции присущи также рекламе или кино. При следовании функциональному подходу за пределами внимания остаются такие важные характеристики, как содержательные особенности передаваемой информации, каналов ее распространения, аудитории и многое-многое другое.

С функциональным методом исследования тесно сопряжен *деятельностный подход*. Известно, что функции какого-либо явления проявляются только в процессе его развития, действия. Поэтому, выявляя задачи журналистики, исследователи интерпретируют ее как особого рода массово-информационную деятельность. Информационная деятельность подразумевает усилия, обеспечивающие «сбор, обработку, хранение, поиск и распространение информации, а также формирование организационного ресурса и организацию доступа к нему» (44). Как раз этим и занимаются творческие сотрудники журналистской профессии. Понятие «массовая информация» предполагает направленность информации на массу, соответствие нуждам этой массы, доступность информации для массы, возможность одновременного получения массовой аудиторией информации (33: 30). С данными критериями соотносятся распространяемые журналистами посредством СМИ информационные сообщения.

В исследовательской литературе объяснение журналистики как деятельности нашло широкое распространение. Толкования подобного рода присутствуют в справочниках и энциклопедиях: «Журналистика — вид общественной деятельности по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной информации через каналы массовой коммуникации (пресса, радио, телевидение, кино и т. д.)» (6: 252). Аналогичную интерпретацию дает С. Г. Корконосенко (24: 3). Е. П. Прохоров, принимая во внимание множество проявлений журналистики, также допускает ее объяснение как системы видов деятельности. Он выделяет несколько направлений. Это деятельность по созданию газет, журналов, теле- и радиопрограмм, по организации функционирования агентств, информационных служб и других институтов журналистики, по разработке и реализации информационной

политики. При рассмотрении журналистского феномена автор подразумевает, что это также и организаторская работа — создание коллективов, налаживание массовых связей и отношений с другими социальными институтами, проведение научных исследований, участие в подготовке кадров и т. д. Наконец, он указывает на то, что это и творческая деятельность по сбору и обработке информации, созданию произведений для газет, журналов, бюллетеней информации, теле- и радиопрограмм (33: 12). М. М. Ковалева подчеркивает, что «журналистика по определению является областью не только общественной, но и творческой деятельности» (20: 13).

Деятельностный принцип предполагает изучение журналистики под особым углом зрения. Поскольку всякая деятельность целеполагающа, то и «информационная деятельность журналистики в качестве своей целевой функции имеет управление сознанием и поведением аудитории» (35: 13). Этот тезис был в центре внимания, когда журналистика рассматривалась с точки зрения сугубо идеологической, как инструмент агитации — организации — пропаганды. В настоящее время, с развитием новых технологий и формированием информационного общества, проблема целевого воздействия журналистики на аудиторию также актуальна и нередко становится предметом осмысления.

Данный метод исследования сопряжен с практическим функционированием журналистики. Полученные в результате применения метода сведения, как правило, имеют прикладную ценность. Однако деятельностный подход в то же самое время неприемлем для комплексного исследования журналистики в разных ее проявлениях. В его рамках вряд ли удастся рассмотреть важные вопросы теоретического характера, раскрывающие базовые принципы функционирования журналистики (теория информации, коммуникации и др.).

Многие проблемы, характерные для уже упомянутых методов, успешно решаются при ином, *системном подходе* к изучению журналистской практики. Он предполагает изучение явления как целостной системы во всем многообразии связей и взаимоотношении частей. Это направление интенсивно развивалось в

науке в XX столетии, и его развитие зачастую связывается с успехами кибернетики и математики. О возможности применения системного метода к журналистике заявляли, в частности, такие исследователи, как Е. В. Ахмадулин, Е. А. Корнилов, С. Я. Махонина (3; 25; 27).

Определяя систему как упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой и образующих некоторое целостное единство, сторонники системного подхода наделяют этими качествами журналистику и пытаются применить к ней данный метод. В качестве системы рассматриваются средства массовой информации и журналистика. В частности, Б. И. Есин дает следующее определение системы периодики: «Под системой печати мы понимаем не просто сумму всех изданий с существующей между ними субординацией, а точное представление о всех типах периодических изданий данного времени, обеспечивающих полноту информации данного общества. Система печати — понятие историческое. Складывается оно под влиянием потребности в средствах управления, информации, пропаганды и агитации в обществе, зависит от технических возможностей, состояния читательской массы и развития самой журналистики как особой сферы человеческой деятельности» (11: 7). Или более лаконичная трактовка: «это совокупность изданий, определяемая, с одной стороны, политикой государства, а с другой — потребностями общества на каждом историческом отрезке времени» (21: 16–17).

Система же журналистики вообще обычно рассматривается в качестве подсистемы более широкого образования (социального общества) и, в свою очередь, также состоит из целого ряда подсистем.

Системный подход предполагает изучение сложного явления с разных точек зрения, с учетом сложных внутренних и внешних взаимосвязей. В этом состоит его несомненное преимущество перед многими остальными методами, когда изучается лишь один или несколько аспектов явления. Исследуя журналистику как систему, можно получить о ней весьма разностороннее представление. Вместе с тем, в силу слишком широкого поля иссле-

дования, внутри этого подхода возникает несколько направлений. Например, речь может идти о проблемно-содержательном направлении (изучается одно или несколько изданий), системно-функциональном (исследуются внутренние связи системы) и многих других (27: 22, 32). Возникает проблема поиска уже в рамках этого метода оптимальных и наиболее приемлемых приемов для исследования.

В последние годы обсуждается еще одно направление изучения журналистики, которое получило наименование *дискурсивный метод*. Этой проблеме посвящены работы И. В. Силантьева, Э. В. Чепкиной (42; 43; 55) и др. Само понятие «дискурс» имеет множество интерпретаций: «тело дискурса — это открытое множество высказываний, как осуществленных в практике коммуникации, так и возможных, предсущественных — однако высказываний не любых, а построенных в системе силовых линий социокультурного поля данного дискурса» (43: 10) и т. п.

Ряд направлений исследования журналистики напрямую связан с той или иной фундаментальной наукой — историей, филологией, социологией.

Исторический подход имеет целью представить закономерное развитие журналистики в исторической ретроспективе. У него богатые традиции в России. История отечественной и зарубежной журналистики преподается в российских вузах, этой тематике посвящено немало учебных и научных трудов. Многие фундаментальные исследования появились во второй половине прошлого столетия и позже: «Очерки по истории русской журналистики и критики» (в 2-х т. Л., 1950; 1965), «История русской журналистики XVIII–XIX веков» под ред. проф. А. В. Западова (М., 1973), «История русской журналистики XVIII–XIX веков» под ред. проф. Л. П. Громовой (СПб., 2003, 2013). Исторической тематике посвящены пособия и статьи В. Г. Березиной, Б. И. Есина, Л. Е. Татариновой (4; 5; 10; 48) и многих других исследователей. Изучается история развития журналистской деятельности отдельных российских регионов (1; 9; 32). Исторический подход предполагает исследование разнообразных аспектов журналистской деятельности: творчества отдельных публицистов, типологии СМИ,

жанров и т. д. Основной же задачей является показать специфику развития СМИ на определенном историческом этапе, описать динамику процессов, характерных для журналистики, на основе исторического опыта выявить тенденции и перспективы.

Исследование журналистской практики с использованием *методов филологии* во многом обусловлено тем, что этот вид деятельности воспринимается как часть литературного процесса. К тому же журналисты при создании произведений неизбежно оперируют языковыми средствами, используют материал и инструментарий, который изучается филологической наукой.

Русская журналистика в XVIII — первой половине XIX вв. изучалась вместе с литературой, и «русское литературоведение явилось базой для теоретического познания журналистики» (47: 12). Литераторы того времени пробовали себя в издательской деятельности, и в качестве журналистов выступали на страницах газет и журналов с публицистическими статьями. Здесь можно вспомнить И. А. Крылова («Почта духов», «Зритель»), Н. М. Карамзина («Московский журнал»), А. С. Пушкина («Литературная газета», «Современник»), В. Г. Короленко («Русское богатство») и многих других. Нет ничего удивительного в том, что методы исследования литературного творчества использовались и для осмысления журналистской деятельности.

В публицистике, как особой разновидности словесности, исследовались специфика языка, жанрово-стилистическое своеобразие текста, иные литературоведческие аспекты. Подобные подходы не потеряли актуальности и сегодня.

Весьма интенсивно в последние годы ведутся исследования в области *социологии журналистики*. Уже можно с полным правом вести речь о новом сложившемся научно-исследовательском направлении. Среди его разработчиков — С. Г. Корконосенко, В. Ф. Олешко, И. Д. Фомичева (46; 31; 54). Связывая это направление с классической социологией, исследователи выделяют предмет социологии журналистики: его составляют «*явления журналистики, закономерности и тенденции ее развития*, взятые в контексте социальной жизни, во взаимосвязи с системой теоретико-журналистского знания» (46: 37).

На протяжении последних нескольких десятилетий формировалось *коммуникационное направление*. Постоянно взаимодействуя с разными науками — лингвистикой, философией, кибернетикой и многими другими, — это направление во второй половине XIX — в XX столетиях выделилось в особую область знаний, в коммуникативистику. Коммуникативистика большое внимание уделяет исследованию средств массовой информации: их роли в установлении связей между различными общественными группами, особенностям воздействия на аудиторию и т. д. Журналистика при коммуникационном подходе предстает как неотъемлемая часть социальной массовой коммуникации. Среди отечественных исследователей, уделивших серьезное внимание данному направлению, — Ю. П. Буданцев, Л. М. Землянова (29; 18).

Еще один подход — *эмпирический* — получил широкое распространение как в академических кругах, так и среди журналистов-практиков. Он подразумевает объяснение явления на основе ряда очевидных эмпирических данных. Применительно к журналистике такие эмпирические данные обнаруживаются в процессе профессиональной деятельности по сбору, обработке и распространению информации. Для их выявления и сбора используются наблюдение за профессиональной деятельностью журналистов, опросы, изучение рейтингов, аудитории СМИ и т. д. На основе полученных эмпирических данных дается объяснение — что же такое журналистика. В. Т. Третьяков, Р. Копперуд и Р. П. Нельсон, Т. В. Шумилина, Б. Ковач и Т. Розенстилл (50; 23; 56; 22), другие отечественные и зарубежные исследователи рассматривают специфику журналистского ремесла как профессиональной деятельности, обращаются к опыту журналистов-практиков, дают рекомендации по совершенствованию навыков работы. Эмпирический подход позволяет выявить действительно ценные сведения с точки зрения профессиональной организации журналистской деятельности. Однако полученные данные требуют более глубокого научного, концептуального осмысления.

Наряду с историческими, филологическими, социологическими подходами, коммуникативистикой для исследования жур-

налистской практики привлекаются методы экономики, психологии, иных дисциплин. Появляются направления: экономика журналистики, психология журналистики и т. д. Использование методик фундаментальных дисциплин дает неплохие результаты, поскольку в существующих уже не одно десятилетие науках сложился свой научно-исследовательский инструментарий, накоплены серьезные наработки. Это позволяет эффективно, динамично и плодотворно вести исследования. Тем не менее попытки отождествления журналистики с той или иной областью гуманитарных знаний, привнося глубину и основательность, в то же время предполагают некие рамки, ограничивающие область познания феномена.

Заметим, что наряду с работами по теории журналистики в последние годы появилось немало исследований, в которых деятельность СМИ, их сотрудников рассматривается как часть медиареальности, в контексте коммуникационных процессов (В. В. Савчук, А. В. Соколов, Л. М. Землянова, Р. Дебрэ и др.) (40; 45; 17; 8).

Тенденции глобализации, становление информационного общества, развитие информационных технологий, конвергентные явления в информационных процессах ожидаемо поставили перед исследователями вопрос о трансформации массово-информационной деятельности. При осмыслении этих процессов журналистике зачастую не уделяется должного внимания. Авторы включают ее в более широкую сферу — массмедиа, делают акцент именно на этом термине, таким образом исключая само понятие «журналистика» из активного лексикона. Однако при этом речь идет о самостоятельном направлении исследований — об осмыслении коммуникации. Данное направление развивалось на протяжении XX–XXI столетий в разных странах, имеет множество научных школ, получивших признание во всем мире. Конечно, включение журналистики в глобальные медиапроцессы очевидно и требует осмысления. Однако, думается, еще преждевременно лишать ее статуса уникального типа массово-информационной деятельности, обладающего особыми характеристиками.

Следует понимать, что представленным перечнем набор подходов, безусловно, не ограничивается: существует множество других теорий и концепций, в основе которых лежит тот или иной метод. Актуальной проблемой становится обобщение этой информации, что, с одной стороны, восполнит имеющиеся пробелы в истории вопроса, с другой — обогатит инструментарий исследователей журналистики, позволит им лучше ориентироваться в многообразии методологических наработок, выбирать для себя наиболее приемлемые подходы. Решение проблемы, таким образом, приобретает немаловажное прикладное значение. Данному вопросу на протяжении длительного времени не уделялось должного внимания, тем или иным аспектам проблемы были посвящены лишь работы отдельных исследователей. Серьезная попытка обобщения теорий журналистики в России недавно была предпринята коллективом кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. В подготовленной кафедрой монографии «Теории журналистики в России: зарождение и развитие» (49) обозначаются наиболее значимые направления исследовательской мысли, рассматривается генезис отечественной теории журналистики. На страницах исследования представлены историко-теоретическое, психологическое, культурологическое, художественно-эстетическое направления, выделяются нормативные, социально-философские, политические, социологические теории. Знакомство со значительным спектром сложившихся в стране подходов позволяет читателю составить представление об их преимуществах и недостатках, о динамике развития и взаимосвязей, дает основу для размышлений о дальнейших тенденциях в науке о журналистике.

Отметим, что при всем многообразии известных теорий в науке не выработана единая точка зрения по поводу вопроса о понимании журналистики и методах ее познания. Выявленные теоретико-методологические проблемы исследования журналистики свидетельствуют о том, что непросто отдать предпочтение какому-либо из известных и заслуживших право на существование методов познания. Очевидно, следует исходить из целесообраз-

ности их применения при решении определенной научной задачи и использовать тот или иной метод с учетом его недостатков и достоинств. Но в таком случае для толкования журналистики как особого явления, феномена применение какого-то одного метода невозможно, каждый из них решает лишь определенный набор задач. Возможно, имеет смысл задуматься о выработке подхода, который позволил бы более глубоко, на ином уровне обобщения раскрыть сущность журналистики. Он стал бы своеобразным ядром, вокруг которого могут расположиться известные приемы и методы исследования.

Возможно, имеет смысл обратить внимание на философский подход к осмыслению журналистики и журналистских процессов, который пока еще не получил должного признания. Однако наработки в этом направлении ведутся, и уже сложился круг исследователей, тяготеющих к такой постановке вопроса. Среди авторов работ, посвященных философским подходам к осмыслению журналистики, выделим Г. В. Иващенко, Т. В. Науменко, А. Ф. Замалеева, Л. В. Никитинского, К. Романо (19; 16; 30; 39). Они сходятся во мнении, что всякая серьезная область исследований, в том числе и журналистика, должна иметь основательный теоретический фундамент. Для этого необходимы систематизация имеющихся знаний, выявление закономерностей развития, установление связей, их обобщение, серьезная работа с категориальным аппаратом — иными словами, применение инструментов философии к осмыслению журналистики. Несмотря на опасения по поводу чрезмерного крена в сторону теоретизирования, абстракций, что неизбежно при философском осмыслении явления и процессов, думается, что у этого направления может быть будущее. Во всяком случае, философский подход потребует более строгого ответа на вопрос о базовых категориях журналистики как научного знания.

Л и т е р а т у р а

1. *Антюхин Г. В.* Очерки истории печати Воронежского края (1798–1917). Воронеж, 1973.

2. Ахмадулин Е. В. Журналистика как целостная актуальная система // Журналистика в 2003 году: обретения и потери, стратегия развития: матер. научно-практич. конф. Ч.1. М., 2004.
3. Ахмадулин Е. В. Краткий курс теории журналистики: учеб. пособие. М.; Ростов н/Д., 2006.
4. Березина В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965.
5. Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века. Л., 1965, 1969.
6. Большая Советская Энциклопедия. М., 1972. Т. 9.
7. Грабельников А. А. Средства массовой информации в постсоветской России. М., 1996.
8. Дебре Р. Введение в медиологию. М., 2010.
9. Ермолинский Л. Л. Сибирские газеты 70-80-х годов XIX века. Иркутск, 1985.
10. Есин Б. И. История русской журналистики. М., 1982.
11. Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981.
12. Журналистика в мире политики / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2004.
13. Журналистика в политической структуре общества / под ред. Я. Н. Засурского. М., 1975.
14. Журналистика и политика / под ред. М. М. Ковалевой. Екатеринбург, 2004.
15. Заика Н. К. Правовые основы средств массовой информации. СПб., 2005.
16. Замалеев А. Ф. Философия и русская журналистика // Вече. 2009. Вып. 20. URL: http://philosophy.spbu.ru/userfiles/evmak/veche_20.pdf.
17. Землянова Л. М. Гуманитарная миссия современной глобализирующейся коммуникативистики. М., 2010.
18. Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика: теоретические концепции, проблемы, прогнозы. М., 1995.
19. Иващенко Г. В., Науменко Т. В. Философские проблемы теории журналистики как область исследований. URL: www.orenburg.ru/culture/credo/16/04.html.
20. Ковалева М. М. Журналистика и PR в информационном пространстве // Факс. Журнал уральских журналистов. Екатеринбург. 2001. № 1–2 (19–20).
21. Ковалева М. М. Отечественная журналистика: вопросы теории и истории. Екатеринбург, 2000.
22. Ковач Б., Розенстилл Т. Элементы журналистики. М., 2004.
23. Копперуд Р., Нельсон Р. П. Как преподносить новости. М., 1998.
24. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. М., 2001.
25. Корнилов Е. А. Проблемы применения системного подхода к изучению журналистики // Методы исследования журналистики / под ред. Я. Р. Симкина. Ростов н/Д., 1984.
26. Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. Барнаул, 2002.
27. Махонина С. Я. Некоторые аспекты системного подхода к изучению истории журналистики в России // Методика изучения и преподавания истории русской журналистики на факультетах журналистики государственных университетов / под ред. Б. И. Есина. М., 1987.

28. Михайлов С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы. СПб., 2002.
29. Научная методология изучения массовых информационных процессов: сборник науч. тр. / под ред. Ю.П. Буданцева. М., 1984.
30. Никитинский Л. Завтрашний номер. Философия журналистики в конспектах. М., 2013.
31. Олешко В. Ф. Социожурналистика: прагматическое моделирование технологий массово-коммуникационной деятельности. Екатеринбург, 1996.
32. Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург, 1995, 1997.
33. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики. М., 2001.
34. Прохоров Е. П. Журналистика и демократия. М., 2001.
35. Прохоров Е. П. Журналистика как сфера информационной деятельности // Методы исследования журналистики. Ростов н/Д., 1979.
36. Прохоров Е. П. Исследуя журналистику. М., 2006.
37. Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики. М., 2002.
38. Рихтер А. Г. Свобода массовой информации в постсоветском пространстве. М., 2007.
39. Романо К. Нужна ли философия журналистики. URL: <http://www.russ.ru/pole/Nam-nuzhna-filosofiya-zhurnalistiki>.
40. Савчук В. В. Медиафилософия. Принцип реальности. СПб., 2013.
41. Свитич Л. Г. Профессия: журналист. М., 2003.
42. Силантьев И. В. Газета и роман: риторика дискурсных смещений. М., 2006.
43. Силантьев И. В. Текст в системе дискурсных взаимодействий. Новосибирск, 2004.
44. Словарь по экономике и финансам. URL: ww.slovari.yandex.ru/dict/glossary.
45. Соколов А. В. Философия информации. СПб., 2010.
46. Социология журналистики / под ред. С. Г. Корконосенко. М., 2013.
47. Станько А. И. Становление теоретических знаний о периодической печати в России (XVIII в. — 60-е гг. XIX в.). Ростов н/Д., 1986.
48. Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. М., 1982.
49. Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014.
50. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом. М., 2004.
51. Тулупов В. В. Журналистика как социальный институт // Медиа-дискурс. Екатеринбург. 2006. № 1.
52. Федотов М. А. Правовые основы журналистики. М., 2002.
53. Фомичева И. Д. Журналистика переходного периода: развитие практики и вызов науке // Основные понятия теории журналистики. М., 1993.
54. Фомичева И. Д. Социология СМИ. М., 2007.
55. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды. Екатеринбург, 2000.
56. Шумилина Т. В. Методы сбора информации в журналистике. М., 1997.

A. Yu. Bykov

St Petersburg State University

PROBLEMS OF METHODOLOGY OF THE STUDY OF JOURNALISM IN RUSSIA

The article discusses the main directions, approaches and methods of theoretical study of journalism. The author observes the most well-known publications of Russian scientists in the field of journalism, media and mass communications and formulates prospects of work in this area.

Keywords: theory of journalism, Russia, methods, methodology.

В. В. Васильева

ПОНИМАНИЕ КАК ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ТЕКСТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматривается понимание медиатекста в ходе интерпретирующей текстовой деятельности. Предлагаются термины, обозначающие механизмы переконструирования базового текста при создании текста-интерпретации: идентификация, синхронизация и драматизация.

Ключевые слова: медиатекст, интерпретация, текстовая деятельность.

Сегодня мы можем много сказать о том, почему, для чего и как создаются тексты, но очень мало знаем о том, почему, для чего и как они читаются, — эти вопросы, как представляется, напрямую связаны с пониманием.

В основе предложенного в настоящей статье подхода лежат теоретические постулаты, принятые современной филологией (объединим под этим термином комплекс наук, изучающих тек-

стовые феномены), с применением деривационного метода исследования на текстовом уровне (выявление механизмов текстообразования).

Постулат первый. В СМИ мы имеем дело с медиатекстом — сложным поликодовым феноменом, понимание которого обеспечивается целым комплексом когнитивных механизмов, от процессов понимания вербальной составляющей текста, базирующихся на концепции специфики индивидуального лексикона [см., напр., 8], через «совмещение понятого в языковом отношении текста со знаниями о мире» [9] до осмысления чувственного переживания визуальных и аудиальных знаков, презентующих медиатекст.

Постулат второй. Интерпретация — есть текстовая деятельность по переконструированию исходного (понимаемого) текста; известно, что в ходе восприятия чужого текста человек создает свой текст, во многом нетождественный воспринимаемому [1: 284; 13]. Поскольку текст представляет собой «структурированную целостность, которая всегда может быть образована несколькими различными способами» [15: 8], в самом этом переконструировании и заключается, по-видимому, существование текста, его жизнь во «множестве прочтений» [11]. Динамическая природа текста проявляется и в том, что его конструкция подвижна, а не зацементирована авторской мыслью или замыслом. Текст приходит в движение, по сути, начинает жить всякий раз, когда к нему обращается человек. Но и человек приводится в движение текстом. Настоящий текст тем и отличается от поддельного, что всегда оставляет место для читателя, предоставляет человеку пространство, которое может быть заселено им самим.

Постулат третий. Понимание представляет собой интерпретирующую деятельность. «Понимание — оценка результата интерпретации или ее хода, воплощенная по-разному в зависимости от личностных характеристик интерпретатора. Так, *Я понял, что вы хотите сказать* можно перифразировать следующим образом: „Моя интерпретация вашей речи совпадает с вашей интерпретацией вашей собственной речи“, „Моя интерпретация совпадает с замыслом, возможно, неудачно воплощенным в вашей речи“

и т. п. Естественно, что языковые аспекты интерпретации не исчерпывают понимания в целом» [7: 123].

Текстовая деятельность в любой области может быть условно разделена на два этапа: предтекстовый — этап, формирующий мотив деятельности, и собственно текстовый — этап создания, производства текстового продукта. Предтекстовый этап интерпретации (этап формирования мотива чтения) базируется, на наш взгляд, на своеобразной триаде включения в коммуникацию: интерес, опора на известное, ожидание нового.

Интерес к чужому тексту возникает, как правило, в том случае, когда для нас очевидна его актуальность, а это значит, что обращению к тексту предшествовало его ожидание, и «к моменту интерпретации мы уже подготовлены как текстом до данного высказывания, так и опытом общения с говорящим и с его метафорами» [6: 63]. О том, что для понимания в принципе важно, чтобы слушающий был равен говорящему по силе намерения, пишет О. Розеншток-Хюсси, выстраивая свою «грамматику слушающего»: «Молчанию, которое предшествует речи, мы можем поставить в соответствие ожидание, которое должно предшествовать факту слушания» [16: 153].

Всякий интерес основан на том, что нам пока еще неясно в предмете, этот интерес может быть представлен в форме вопроса, который означает выход за пределы известного [3: 62], но с обязательной опорой на то, что известно. Второй элемент триады, опора на известное, связан с необходимой для человека верой в свои возможности, убежденностью в наличии своего знания и его (знания) ценности (без опоры на известное невозможно понимание текста уже на чисто языковом, обеспеченном лингвистической компетенцией уровне). Вычитывая в тексте то, что нас интересует, мы, по сути дела, «вычитываем себя», поскольку ищем в тексте в первую очередь то, что «уже и-так-знали» (сформулированное М. К. Мамардашвили [12: 222 и др.] по отношению к мышлению человека вообще, такое «уже-знание» особенно ярко проявляет себя в медийно опосредованной сфере), ищем то, что подтверждает наши предположения о предмете.

Третьим элементом триады выступает ожидание нового, готовность к новому, потребность в этом новом, которое приведет к изменениям внутри нас. Возможность постижения этого нового через опоры на уже известное, убежденность в необходимости всего этого для нас здесь и сейчас — это необходимые условия для создания «своего», пусть и мысленного, текста в процессе понимания текста «чужого». Без этого предтекстового этапа возможна, на наш взгляд, лишь имитация понимания.

На собственно текстовом этапе интерпретации обнаруживаются специфические **механизмы** интерпретирующей текстовой деятельности, которые объясняют, как нам представляется, некоторые факты в понимании медиатекстов (на материале интерпретации художественных текстов они описаны нами ранее [5]). Важно подчеркнуть, что выявить и продемонстрировать эти механизмы возможно только в случае эксплицированной интерпретации, то есть при возможности сопоставления интерпретированного текста и текста, созданного на основе его понимания, как ответа на чужой текст, как объяснения чужого текста, как аргумента к чужому высказыванию и т. п.

К таким механизмам мы относим идентификацию, драматизацию и синхронизацию — процедуры, лежащие в основе реструктурирования чужого текста. Применительно к медийному дискурсу речевые сигналы этих механизмов мы находим в многочисленных читательских комментариях к медиатекстам. Опубликованные в сетевых версиях средств массовой информации, тексты-комментарии выступают, по сути дела, «озвученными интерпретациями», в которых проявляются следы самого процесса понимания.

Проиллюстрируем выделенные нами механизмы интерпретации комментариями подписчиков (интерпретирующими текстами — ИТ) блога Бориса Акунина «Любовь к истории». Размышления писателя на самые разные темы, публикуемые им на своем сайте, появляются и на страницах газет, получают «перепосты» на интернет-порталах. Мы обратились к просветительской статье Б. Акунина «Вот раньше были писатели», посвященной судьбе Александра Козачинского.

Акунин начинает рассказ о писателе так: «Вы, наверное, читали в детстве или не в детстве повесть „Зеленый фургон“, а если не читали, то наверняка смотрели какую-нибудь из экранизаций (их было две). Кто знаком с удивительной судьбой автора повести Александра Козачинского — можете дальше этот текст пропустить, ничего нового я вам не сообщу. А я вот только сейчас, роюсь в фактуре 20-х годов, штудирю газетные отчеты „Из зала суда“, узнал, что это был за человек» (<http://borisakunin.livejournal.com/146456.html>. 2015. 25 апр.).

Фрагменты текста Б. Акунина, к которым отсылает комментарий (важно: комментирующий не дает таких отсылок, обнаружить эти фрагменты — задача исследователя), и комментарии, вызывающие ответную текстовую реакцию подписчиков, назовем условно «базовым текстом» (БТ).

Идентификация (в психологическом и социологическом смысле термина) — как процесс и потребность в самоотождествлении — представляется нам обязательным условием понимания. Идентификация может принимать форму либо солидаризации читателя с участником события, либо антагонистического противостояния: «я такой же» и «я не такой».

БТ. Борис Акунин: Ничего нет легче, чем убедить человека заняться сочинительством. Как некогда в каждом кроманьонце жил художник, так в каждом современном человеке дремлет писатель. Когда человек начинает скучать, достаточно легкого толчка, чтобы писатель вырвался наружу.

ИТ. Oadam. 2015. 25 апр.: Вот мой блогик в ЖЖ служит неким сдерживающим фактором, позволяющим мне не превратиться в очередного никудышного писателя. Этакое наркозамещение графомании.

Постановка себя в ситуацию, описанную в медиатексте, наполняется атрибутами реального существования, что вызывает к жизни еще один интерпретативный механизм, который мы условно называем *драматизацией* (термином, почерпнутым из дошкольной дидактики). Бахтин назвал слово «сценарием» события: «Живое понимание целостного смысла слова должно репродуцировать

это событие взаимного отношения говорящих, как бы „разыграть“ его» [2: 75]. Драматизация — это некоторое внутреннее видение интерпретируемого текста как разворачивающегося действия. Как известно, в языке имеются вариантные средства для передачи одного и того же содержания, при этом доказано, что содержание конструкций, оцениваемых как синонимичные, «не вполне одно и то же». Е. С. Кубрякова, в частности, отмечала, что намерения и оценки говорящих при восприятии, казалось бы, одинакового опыта (объекта и события, ситуации и процесса, явления и его признака) сильно расходятся: «Учитывая это, надо утверждать, что не только язык располагает вариантными возможностями представления одного содержания, но скорее, что существование альтернативных средств указанного типа помогает человеку сконцентрировать свое внимание (как и внимание слушающего) на разных деталях или обстоятельствах описываемого и обозначаемого» [10: 47]. В тексте-интерпретации происходит своего рода дробление ситуации первичного текста и «наполнение» общих, порой абстрактных рассуждений базового текста теми действиями, которые, по мнению интерпретатора, могут или должны сопровождать описываемое событие. В данном случае мы не просто имеем дело с выбором иного по сравнению с базовым текстом средства для выражения сходного содержания, но можем обнаружить те аспекты этого содержания, которые особенно актуальны для интерпретатора и которые он, в силу особого к ним интереса, как бы наполняет реальной жизнью — «драматизирует» (инсценирует, разыгрывает) в создаваемом им тексте. Драматизация как принцип мыслительной инсценировки текста — это физическая схема события (ср. со схемой «физических действий роли» Станиславского [17: 48]).

БТ. Natali. 2015. 25 апр.: Дом писателей в Харькове. Интересно, что квартиры распределяли по жребию, каждый тянул свою... судьбу <...> На 62 квартиры — 33 расстрелянных писателя, 2 покончили с собой, 13 — сослали в лагеря.

ИТ. duneinparis. 2015. 26 апр.: Да, посмотришь на список людей, проживавших в этом сравнительно небольшом доме, и как-то нехорошо дела-

ется, т. к. получается, что *одних ночью увозили, другие потом заселялись*. И так много лет. Как там теперь толстосумы живут, просто ума не приложу. Там же даже стены должны быть пропитаны до сих пор страхом.

В приведенном выше ИТ есть сигнал еще одного интерпретационного механизма, который мы назвали *синхронизацией*. В ИТ подписчика *duneinparis* читаем: «Как там *теперь* толстосумы *живут*, просто ума не приложу». Наполнение чужого текста своими, пусть и гипотетическими, предполагаемыми в данных обстоятельствах действиями происходит для читателя не только в пространстве описанного в тексте события, но и во времени, отстоящем от момента встречи читателя с текстом. Совместить свой и чужой текст во времени — это значит синхронизировать тексты. Синхронизация требует от интерпретатора смещения либо себя относительно событий текста, либо событий текста относительно себя.

БТ. Борис Акунин: Александр Козачинский, разумеется, вырос в Одессе — этот город-энерджайзер тогда выплеснул в литературу и искусство целый гейзер талантливых людей.

ИТ. Miroslav. 2015. 25 апр.: Да, Одесса... Славный был город... До 2 мая прошлого года, когда людей заживо там сожгли...

При восприятии и интерпретации исторических событий синхронизация проявляется в многочисленных аналогиях, концептуализирующих важные для человека моменты события.

ИТ. electro_magneto. 2015. 25 апр.: Спасибо. Вторую экранизацию фильма я так ни разу и не посмотрел. Про первую и про книгу даже и не слышал прежде. Очень интересно. Вообще случайно наткнувшись на этот фильм по ТВ, я всегда его оставляю. Какие-то сладкие воспоминания из тех добрых лет, когда все было правильно, просто и понятно. Когда красные были нашими, а белые не нашими. А потом все сломалось. Оказалось, что и страна у нас плохая, и живем мы не так. Тот же Харатьян, точно так же играл уже в «Операции Кооперации». Коммунистов всех без разбору стали на-

зывать — дьяволами... Все их деяния стали называть злом. Очень долго мечтал, чтобы какой-нибудь уважаемый мной автор написал что-нибудь общеприимяющее, про не до конца омерзительных красных и не совсем идеальных белых.

Интересно, что выражение «Я бы на его (ее, вашем, их) месте...» эксплицирует все три механизма интерпретации — идентификацию, разыгрывание и синхронизацию, объединяя их в одном речевом действии. Корпус газетных текстов портала «Национальный корпус русского языка» (<http://ruscorpora.ru/>) на запрос «Я бы на * месте *» выдает 90 вхождений этого речевого оборота в тексты СМИ: почти в каждом третьем газетном тексте, обработанном системой, пишущий или его персонаж представляет себя на месте другого и предполагает определенные действия в определенных обстоятельствах.

В заключение отметим, что в интерпретации как текстовой деятельности важно подчеркнуть «мобилизацию собственной субъективности» [4: 35] воспринимающего текст человека, лежащую в основе построения собственного текста: подобно тому, как художник не может не творить, читатель не может не создавать собственный мир. Читатель не просто готов воспринимать чужой текст (на уровне языкового декодирования), он ждет изменений в самом себе. На наш взгляд, в случае читателя культура понимания заключается в признании необходимости совершать духовное усилие (в том смысле, в каком это понимал М. К. Мамардашвили) при встрече с чужим текстом. При этом степень осознанности интерпретирующих механизмов также представляется важной: зная о том, что всякое понимание текста есть текстовая же интерпретативная деятельность, мы, силясь понять чужое высказывание, в определенном смысле можем предвидеть, учитывать свои «риски непонимания», поскольку в первую очередь «язык есть средство понимать самого себя» [14: 149].

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бахтин под маской. Вып. 5 / под общ. ред. И. В. Пешкова. М., 1996.

3. Берков В. Ф. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972.
4. Богин Г. И. Интенциональность как средство выведения к смысловым мирам // Понимание и интерпретация текста / отв. ред. Г. И. Богин. Тверь, 1994.
5. Васильева В. В. Интерпретация как взаимодействие человека и текста // Текст: стереотип и творчество / ред. М. П. Котюрова. Пермь, 1998.
6. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
7. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М. Н. Володиной. М., 2003.
8. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
9. Кубрякова Е. С. Текст — проблемы понимания и интерпретации // Семантика целого текста / отв. ред. А. П. Василевич. М., 1987.
10. Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка / ред. В. А. Мишланов и др. Пермь, 1998.
11. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / ред. А. Д. Кошелев. М., 1994.
12. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 2001.
13. Мурзин Л. Н. Текст как интерпретация текста // Отбор и организация текстового материала в системе профессионально ориентированного обучения / редкол.: Т. С. Серова (гл. ред.) и др. Пермь, 1985.
14. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
15. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
16. Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность. М., 1994.
17. Кристи Г., Прокофьев Вл. К. С. Станиславский о работе актера над ролью // Станиславский К. С. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1957.

V. V. Vasilieva

St Petersburg State University

UNDERSTANDING AS AN INTERPRETIVE TEXTUAL ACTIVITY

The article deals with the understanding of media texts in a process of interpretive textual activity. Key terms are given to the mechanisms of restructuring of the basic text when creating text-interpretation: identification, synchronization, and dramatization.

Keywords: media text, interpretation, textual activity.

В. Ю. Голубев

Культурная журналистика в контексте международных отношений: методика дискурс-анализа

В данной статье рассматриваются публикации на темы культуры как проявление международных отношений. Методика исследования основана на дискурс-анализе в традиции структурного анализа общества.

Ключевые слова: дискурс-анализ, культурная журналистика, пропаганда, общественная дипломатия, гражданская дипломатия.

Методика анализа публикаций на темы культуры основана на дискурс-анализе в рамках структурного анализа общества, «задачей которого является фиксация и расшифровка (декодирование) разнообразных культурных форм (искусство, религия, журналистика и т. д.)» [1: 119–120]. «В структуралистских исследованиях выделяются дискурсы конфликта, порядка, стиля и др., а также определяется их влияние на культуру, политику, журналистику и т. д.» [1: 120]. Взгляд на совокупность журналистских текстов, объединенных одной темой, как на дискурс позволяет достичь понимания сообщения через анализ коммуникативного контекста, включающего в себя участников коммуникации, их коммуникативные намерения, лингвистический код и т. п. В прагматике, лингвистической теории понимания сообщения в контексте, дискурс интерпретируется как сложный речевой акт, выполняющий определенную основную функцию.

С точки зрения международных отношений публикации на темы культуры (или культурный журналистский дискурс) могут рассматриваться как сложный речевой акт одного из трех типов: пропаганда, общественная дипломатия или гражданская дипломатия. Все перечисленные речевые акты имеют своей целью воздействие на аудиторию с целью изменения представлений получателей сообщения и в конечном случае изменения их

поведения. Однако все они отличаются друг от друга силой воздействия на аудиторию, располагаясь на шкале от прямого однонаправленного воздействия (пропаганда) до опосредованного и разнонаправленного (гражданская дипломатия). Помимо приведенных выше понятий в работе мы также будем оперировать концепциями имиджа государства и национального брендинга. В качестве примера нами будет рассмотрен частный случай культурного дискурса — дискурс Перекрестного года культуры Великобритании — Россия 2014.

Согласно Ричарду Алану Нельсону, «с нейтральной точки зрения пропаганда является систематической формой целенаправленного убеждения, состоящего в попытках воздействия на чувства, отношение, мнения и действия целевой аудитории с идеологическими, политическими или коммерческими целями посредством контролируемого распространения односторонней информации (которая может соответствовать или не соответствовать действительности) через каналы массовой информации или прямой коммуникации» [6: 232–233]. Чтобы предотвратить скатывание в пропаганду, исследователями был предложен набор этических принципов, базирующихся на применяемых к СМИ общих концепциях, таких как нейтральность, объективность и сбалансированность. Они гласят, что основной обязанностью журналистики является приверженность истине, сущность журналистики заключается в дисциплине верификации фактов, а сами журналисты должны быть независимы от тех, о ком они пишут [3].

Общественная (публичная) дипломатия и *гражданская* (народная) дипломатия являются сходными понятиями, обозначающими «неофициальную» дипломатию. Поэтому они часто рассматриваются как взаимозаменяемые термины. Тем не менее, как мы увидим в дальнейшем, между этими понятиями есть одно очень важное различие.

Официальное определение общественной дипломатии, используемое американским правительством, гласит: «Общественная дипломатия относится к проводимым при поддержке государства программам, направленным на информирование

общественности в других странах и формирование там определенного общественного мнения; главными инструментами в данных проектах являются печатные материалы, фильмы, культурные обмены, радио и телевидение» [9: 85].

Определение Европейской Комиссии гласит: «Общественная дипломатия связана с влиянием на общественное мнение. Она призвана продвигать интересы ЕС посредством разъяснения, информирования и влияния. Общественная дипломатия подразумевает ясное объяснение целей ЕС, ее политики в различных сферах и направлений деятельности, а также способствует достижению понимания этих целей посредством диалога с отдельными гражданами, общественными группами, организациями и средствами массовой информации» [4: 12].

Подытоживая все вышесказанное, общественная дипломатия является механизмом «мягкой силы» во внешней политике государства, действие которого обеспечивают органы государственной власти, организации и частные лица, вовлеченные в диалог с гражданами других стран. Одной из благородных целей общественной дипломатии является налаживание взаимопонимания между людьми посредством культуры.

Согласно сайту Совета по гражданской дипломатии Нового Орлеана, гражданская дипломатия подразумевает право, даже обязанность каждого гражданина способствовать формированию внешней политики США «каждым рукопожатием». Гражданскими дипломатами могут быть студенты, преподаватели, спортсмены, художники, бизнесмены, работники гуманитарных организаций, путешественники и туристы. Все они движимы обязанностью взаимодействовать с остальным миром посредством осмысленного и взаимовыгодного диалога [7].

Из приведенного выше текста создается впечатление, что гражданская дипломатия является практически синонимом общественной дипломатии, поскольку в обоих случаях: а) дипломатическая активность не исходит напрямую от государства; б) область деятельности ограничена сферой культуры; в) описываемые меры могут быть использованы для достижения целей внешней политики посредством негосударственных механизмов.

Однако описываемые понятия существенно различаются, поскольку гражданская дипломатия не обязательно является деятельностью, проводимой при поддержке государства и направленной на продвижение внешней политики страны. В действительности гражданская дипломатия может как дополнять официальную дипломатию, так и подрывать ее [5]. Особенно в тех случаях, когда внешняя политика правительства, по мнению гражданского дипломата, является деструктивной и противоречит целям гражданской дипломатии, ее отчетливо гуманитарной миссии, которая может быть сформулирована следующим образом: «Гражданская дипломатия является мощной силой в построении и поддержании безопасного, экономически стабильного и социально взаимосвязанного мира» [8].

Таким образом, гражданская дипломатия является более широким понятием: она может как являться инструментом «мягкой силы», используемым государством в своей внешней политике, так и не являться таковым.

В свете вышеизложенного зададимся вопросом: является ли дискурс освещения Перекрестного года культуры Великобритания — Россия 2014 пропагандой, общественной дипломатией или гражданской дипломатией? Ответ на этот вопрос зависит от коммуникативной ситуации, от того, кто проводит данное мероприятие и какова ее миссия.

С российской стороны за организацию Перекрестного года культуры Россия — Великобритания отвечало Министерство иностранных дел, с британской стороны — Британский совет. На сайте Британского совета была размещена следующая цель данного проекта: «Организаторы Перекрестного года культуры Великобритания — Россия 2014 ставят перед собой цель продемонстрировать богатое и разнообразное культурное достояние обеих стран. Цель года культуры — способствовать культурным обменам и обмену идей, укреплению связей между людьми, организациями и государственными структурами стран. Масштаб проектов в области искусства, образования, языка и науки является показателем значительного улучшения культурных связей» [10]. За этим заявлением следуют цитаты из высказываний вице-премьера по социальным вопросам

Российской Федерации Ольги Голодец и спикера Палаты общин баронессы Де Суза. Официальными органами освещения мероприятий перекрестного года в нашей стране были «Российская газета» и интернет-ресурс The Compass. Your pass to all things Russian in the UK; с британской стороны официальным органом, освещавшим культурные события года, выступил Британский совет. При этом крупнейшие газеты обеих стран, такие как «Известия» и «Гардиан», также внесли свой вклад в данный культурный дискурс.

Исходя из формулировки миссии года культуры, мы можем заключить, что данный проект не является пропагандой, поскольку это открытый дискурс, нацеленный на популяризацию культурного достояния обеих стран, а не одной страны, в отличие от пропаганды, представляющей собой форму целенаправленного убеждения посредством контролируемого распространения односторонней информации. Коммуникативное намерение обоих участников коммуникативной ситуации — это диалог, а не монолог, налаживание двусторонних связей, а не выигрыш в споре, то есть явно выражена сущность неформального дипломатического дискурса.

Теперь рассмотрим, каким видом неформальной дипломатии является данный дискурс. Поддержка государства в обеих странах, на что указывает присутствие высказываний высокопоставленных лиц государства России и Великобритании на официальном сайте проекта, а также спонсирование государствами конкретных СМИ, указывают на то, что публикации, посвященные Перекрестному году культуры Россия — Великобритания 2014, в основном относятся к дискурсу общественной дипломатии. С другой стороны, многие СМИ в обеих странах предлагали примеры дискурса гражданской дипломатии при освещении конкретных случаев вербальной и невербальной коммуникации участников культурной инициативы.

Чтобы понять, какое коммуникативное намерение лежит в основе сложного речевого акта общественной дипломатии, следует обратиться к концепции национального брендинга.

Более десяти лет назад исследователь маркетинга Саймон Анхольт выдвинул идею о том, что страны можно рекламировать как товары или компании. Он разработал новое понятие нацио-

нального бренда. С тех пор такие понятия как бренд государства и национальный брендинг прочно утвердились в исследованиях имиджа государства.

Правильно построенная кампания по созданию бренда государства может объединить страну на основе общей цели и национальной гордости. При этом очень важен культурный бренд государства, поскольку он придает жителям страны чувство уверенности и стабильности. Он может связать прошлое страны с ее настоящим, если, конечно, стране удастся найти способы постоянно представлять ее прошлые достижения в сочетании с современными успешными проявлениями культуры. При этом способы деятельности должны быть достаточно яркими, чтобы привлечь молодую аудиторию. Культурный компонент обогащает имидж государства, поскольку он относится к некоммерческой деятельности. Он привносит достоинство, так как показывает духовные и интеллектуальные качества людей, живущих в стране, люди часто делают выводы о внутренних качествах национального характера на основе оценки культурного ландшафта страны. Спорт ассоциируется с силой, храбростью, физической подготовкой, выносливостью, непоколебимостью, командным духом, честью, приверженностью правилам честной игры и т. п. Поп-музыка ассоциируется с успехом на публике, гибкостью, творческим подходом, развитым воображением, умением наслаждаться жизнью [2: 128].

Выступая в 2010 г. перед иностранными журналистами, Константин Косачев (в то время Председатель Комитета Государственной Думы по международным делам) отметил, что имидж государства состоит из трех важных компонентов: совокупность представлений о государстве жителей других стран (репутация), объективная реальность и имидж как бренд (желаемое для государства представление о нем). При этом у некоторых государств репутация соответствует и реалиям, и тому, как оно хочет представлять на международной арене. Мнение К. Косачева состояло в том, что у России репутация, безусловно, хуже, чем объективная реальность, а реальность значительно хуже, чем тот бренд, который страна хотела бы продвигать. Чтобы переломить сложившуюся ситуацию, он предложил следующие шаги: а) формировать

позитивную повестку дня, а не только реагировать на события, которое уже произошло, и б) использовать во внешней политике «говорящие головы», способные объяснять внешнюю политику России, предпочтительно на английском языке.

Если использовать стратегию Константина Косачева, коммуникативное намерение журналистов, освещающих перекрестные годы культуры, состоит в создании позитивной повестки дня. В рамках этих мероприятий люди культуры, творцы и обычные граждане, а не политики становятся в СМИ «говорящими головами». Годы культуры являются великолепной возможностью улучшить имидж государств, участвующих в них. Роль СМИ состоит в том, чтобы продвигать культуру не только собственной страны (сама по себе вполне достойная роль), но и культуру другой страны. Участвуя в общественной и гражданской дипломатии, СМИ создают неагрессивный климат в отношениях между двумя странами. Ведь если политика часто разделяет людей, культура всегда объединяет. Журналистика культурной тематики находится в уникальном положении в отношении возможности создавать дискурс общественной и гражданской дипломатии, потому что культура не имеет государственных границ и неподвластна политическим системам; культура олицетворяет собой величие мирового, а не национального человеческого духа, таланта и творчества человека, независимо от его национальной принадлежности.

Платоновский Сократ отстаивал диалектику, направленную на определение истины посредством разумного спора, основанного на видении спора как сотрудничества. Софисты учили риторике, направленной на убеждение, основанной на подходе к спору с позиции противостояния. Диалектик Платона считал своего оппонента партнером по дискуссии, а софист видел в собеседнике противника в споре. СМИ могут по-настоящему стать движущей силой общественной дипломатии, только если они видят партнера в культурном диалоге, а не противника.

Таким образом, дискурс-анализ является инструментом интерпретации материалов журналистики культурной тематики. Он позволяет определить характер журналистского дискурса как инструмента международных отношений.

Литература

1. Социология журналистики: учебник для бакалавров / под ред. С. Г. Корконосенко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
2. *Anholt, S.* Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. New York, 2007.
3. *Kovach, B., Rosenstiel, T.* Elements of Journalism: What News People Should Know and the Public Should Expect. New York, 2001.
4. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. Fourth report on economic and social cohesion. Belgium, 2007.
5. *Navas, M.* Types of Diplomats // Prezi. 2012. 18 Sept. URL: <https://prezi.com/mgc3ymg1nlmk/types-of-diplomats/#>.
6. *Nelson, Richard A.* A Chronology and Glossary of Propaganda in the United States. Westport, CT, 1996.
7. New Orleans Citizen Diplomacy Council. URL: <http://www.nocdc.com/#!citizen-diplomacy/c1lrn>.
8. The Center for Citizen Diplomacy. URL: <http://centerforcitizendiplomacy.org/about-us/>.
9. U.S. Department of State, Dictionary of International Relations Terms. Washington, D.C., 1987.
10. UK-Russia Year of Culture 2014 // British Council. URL: <http://www.britishcouncil.ru/en/programmes/arts/uk-russia>.

V. Y. Golubev

St Petersburg State University

CULTURAL JOURNALISM IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RELATIONS: A DISCOURSE ANALYSIS STUDY

The paper discusses media coverage of arts and culture as a form of international relations. Research methodology is based on discourse analysis in the tradition of structural analysis of society.

Keywords: discourse analysis, cultural journalism, propaganda, public diplomacy, citizen diplomacy.

С. Г. Корконосенко

МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ В ПОНИМАНИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

В статье рассматривается сущность метода определения понятий и границы его применения для понимания в журналистике. Данный метод является одновременно и строгим, и гибким, с учетом разнообразия статусов и форм функционирования журналистики. Автор анализирует примеры правильного и некорректного определения понятий в области медиа.

Ключевые слова: метод, определение понятий, журналистика, отнесенность.

Нет необходимости доказывать, что совокупность методических подходов и измерений, имеющих отношение к пониманию журналистики и в самой журналистике, широка, разнообразна и предстает как многоуровневая конструкция. Как минимум, особыми и качественно несоизмеримыми уровнями являются понимание как оперирование обобщениями теоретического порядка и как эмпирическое изучение отдельных фактов, явлений и процессов, буде оно происходит в науке или редакционной практике. По всей видимости, задача их исчерпывающе полного перечисления не может и не должна ставиться, как заведомо не решаемая и более того — не несущая в себе исследовательского или прагматического потенциала. Вместе с тем оправданной представляется попытка найти некий базовый методический подход, или исходную стадию процесса понимания, в отсутствие которой дальнейшие построения будут выглядеть фрагментарными и лишеными логического основания.

На наш взгляд, такой исходной стадией служит формирование корпуса более или менее устойчивых понятий, которые выполняют функцию инструментов познания в иных, относительно частных системах методических координат. Другими словами, требуется онтологическая платформа для последующих методических

поисков. Соответственно, в фокус нашего внимания помещается **метод определения понятий**.

Данный метод активно применяется в различных областях знания. В частности, ему уделяется повышенное внимание в педагогической науке и деятельности. По словам А. Р. Лурия, «самым простым путем для того, чтобы выяснить, какие системы связей стоят за словом на каждом этапе развития ребенка, является широко известный метод определения понятий. Он состоит в том, что ребенка просят определить значение того или иного слова» [9: 60]. Не вдаваясь в подробности постановки и решения задач такого рода, подчеркнем, что в образовательно-воспитательном процессе они в конечном счете нацелены на социализацию мышления ребенка, а именно на нахождение им взаимопонимания в общении с современниками через выработку общей с ними вербально-понятийной системы. Педагогика не является исключением. В логике определение понятий рассматривается как универсальный метод, равно применимый в разных областях знания и научения. «В понятии отражается совокупность существенных признаков, т. е. таких, каждый из которых, взятый отдельно, необходим, а все вместе взятые достаточны, чтобы с их помощью можно было отличить (выделить) данный предмет от всех остальных и обобщить однородные предметы в класс» [2: 28]. И далее, «с помощью определения понятий мы в явной форме раскрываем содержание понятия и тем самым отличаем круг определяемых предметов от других предметов» [2: 35].

Следует добавить, что на следующей стадии открывается возможность понимания между людьми, использующими одни и те же корректно определенные понятия. Однако операция по выявлению существенных признаков (определение понятий) лишь при самом поверхностном взгляде на нее может показаться рационалистически простой и конечной. На самом деле она, с одной стороны, подчиняется целому ряду строгих требований и правил (их можно найти в учебниках по логике), но, с другой стороны, несет в себе элементы договоренности, условности, особенно когда речь идет о явлениях не естественно-природного, а гуманитарного характера. Само понима-

ние в философской литературе рассматривается как процесс, «предполагающий установление смыслов событий, явлений, фактов в социокультурном контексте их существования с учетом предпочтений, интересов, потребностей познающего» [15]. То есть относительно жестко определенные существенные признаки в процессе общения подвергаются интерпретации с учетом смысловой нагруженности, что подразумевает сочетание объективных и субъективных факторов взаимодействия и даже, рискуем допустить, компромиссное согласие. Более того, в ситуации общения «процесс понимания оказывается несвободным от моральных императивов, так как предполагает определенные нравственные усилия всех участников диалога, их готовность услышать другого... пойти на то, чтобы подвергнуть критической рефлексии собственную точку зрения» [15].

Чем сложнее и многомернее явление, становящееся предметом рассмотрения, тем явственнее проступают черты относительности, субъективности, опосредованности в его репрезентации. Так, дескриптивному пониманию культуры, когда в ее состав включают не только созидательные, но и разрушительные проявления человеческой активности, противопоставляется ее аксиологическая трактовка, когда за основу берутся ценностные критерии ранжирования явлений, а именно гуманизм (добро) и позитивная направленность (благо) [7: 67]. Распространяя интерпретативный подход на изучение событий истории, педагоги выдвигают на первый план необходимость диалога — как средства понимания исторического процесса, «но в первую очередь как средства понимания самого себя... Понимание можно рассматривать здесь как процесс получения осмысленного (т. е. ценностно нагруженного) знания» [6: 139].

Спредметной областью изучения журналистики соприкасается анализ коммуникации как понятия и дисциплинарного поля, и этот опыт может быть полезным для решения познавательно-методических задач в сфере журналистики. Автор исследования задалась целью выяснить, как определяют и, соответственно, понимают общение и коммуникацию преподаватели российских

вузов. Она исходит из таких, в частности, методологических предпосылок: во-первых, развитие коммуникации как дисциплины может быть понято в свете воздействия трех факторов: интеллектуального, институционального и социокультурного; при этом социокультурный контекст и релевантность конкретной общественной практике играют первостепенную роль; во-вторых, академическая дисциплина — это не свод неизменных знаний, она возникает и развивается в дискурсе сообщества ученых [18: 2]. Далее, в российской научной сфере доминирует психологическая парадигма, согласно которой коммуникация рассматривается через призму информационного подхода и занимает подчиненное положение по отношению к общению. Вместе с тем сегодня сложился широкий круг работ, предлагающих выделить коммуникацию в самостоятельную область исследований и знаний [18: 4].

Наконец, преподаватели, представляющие так называемые традиционные кафедры (педагогика, психологии, иностранных языков и др.), рассматривают коммуникацию как междисциплинарную и мультидисциплинарную область, которую охватывают классические гуманитарные науки, в первую очередь лингвистика, психология и социология. Те же, кто считает, что существует специфический объект для коммуникационной науки, представляют более современные организационные структуры, связанные с PR в политике и государственном управлении, рекламой и социальными коммуникациями [18: 20].

Как видим, построение ключевых дефиниций находится в тесной зависимости не только от среды существования (в нескольких измерениях) науки и ее представителей, но и от самого практического обстоятельства — места работы специалиста. Тем самым использование метода определения понятий приобретает дополнительные оттенки и сложности с точки зрения технологии, выявления существенных признаков и вкладываемых смыслов. Значит, придется примириться с тем, что в подходах и формулировках неизбежен плюрализм, если не сказать хаотичность. К журналистике это имеет непосредственное отношение,

в силу многообразия ее статусов и социальных ролей, пестроты форм проявления и ярко выраженной изменчивости, а также открытости для публичных оценок, толкований, предписаний и т. п. Крайне сложно собрать полный реестр ее инвариантных существенных признаков. Не случайно, на наш взгляд, понятие журналистики не приводится в отечественных законодательных актах, язык которых требует как раз строгой упорядоченности и однозначной трактовки свойств объекта.

Между тем попытки дать определение журналистики, действительно, делаются во множестве источников, и это служит иллюстрацией широкого (если не беспредельного) плюрализма. Приведем несколько примеров: «литературно-публицистическая деятельность в газетах, журналах, на радио, телевидении, в Интернете, а также периодические издания в целом» [3: 78-79]; «семиотическая система, состоящая из двух уровней (языка-кода и речи-сообщения) и предназначенная для порождения, хранения, трансляции и восприятия социально маркированной информации» [17]; «общественная деятельность по сбору, обработке, хранению и периодическому распространению актуальной социальной информации через печать, радио, телевидение и т. д.» [8: 261]. Мы умышленно сослались не на академические словари или канонические учебники, чтобы подтвердить, что у авторства определений много лиц. В данном случае мы не ставим целью полемику с цитируемыми специалистами; важно увидеть в приведенных примерах отчетливое проявление одномерной трактовки понятия журналистики: литературно-публицистическая деятельность, семиотическая система, общественная деятельность социально-информационного характера... Реестр плоскостей анализа без труда можно расширить — но и тогда он не даст представления о явлении в целом.

Некоторое время тому назад нам приходилось отмечать, что по причине своего жизнеподобия журналистика не укладывается в жесткие логические схемы, она носит в себе несколько сущностных содержаний, в зависимости от угла зрения на нее, каждое из которых доступно более или менее строгому отражению научным сознанием. Именно такая амбивалентная трактовка вопроса бли-

же всего подводит нас к «итоговой» сущности журналистики. Сущность, конечно же, схватывается сознанием, она *понимается* — не только теоретическим разумом, но и здравым смыслом, на разных уровнях и с разным успехом. Понимание здесь предлагается как метод постижения смысла явлений, взятых целиком, в отличие от дробящего на фрагменты анализа [4].

Таким образом, возникает «перевернутая», на первый взгляд, эпистемологическая зависимость: не строгое определение предмета ведет к пониманию, а понимание — такое или иное — диктует дефиницию, опять-таки одну из многих. Но это противоречие мнимое, оно снимается, если взять во внимание, во-первых, особенности выработки определений в гуманитарной сфере, которые были названы выше, и, во-вторых, бесконечно сложную переплетенность различных процессов человеческого мышления. Метафорически, здесь действует правило «от перемены мест слагаемых сумма не меняется». Кроме того, в этой перемене мест заложен немалый эвристический потенциал: когда задача не решается по канонам формальной традиции, на помощь приходит радикальное изменение исследовательского пути.

Именно так поступает исследовательница, стремящаяся ввести в научный оборот термин «медиаистория». В статье с говорящим названием «...от понимания к определению сути и понятия» она, убедившись, что движение от семантики частей сложного слова не ведет к сколько-нибудь точной характеристике объекта медиаисторического анализа, предлагает иной путь: «если нельзя следовать „букве“, то нужно искать компромисс на уровне „духа“, т. е. интуитивно понимаемой сущности медиаистории» [5: 121]. Мы не станем поддерживать или оспаривать эту линию поиска по существу, а отметим продуктивность избранного приема.

Следует ли из всего сказанного вывод об абсолютизации относительности, столь характерный для постмодернистской стилистики размышлений? По нашему мнению, отождествление плюрализма и анархизма (как его ни назови) в определении понятий было бы ошибкой.

Пределы релятивизма, несомненно, существуют, и они заданы, прежде всего, неотъемлемыми, родовыми свойствами явле-

ния, без которых оно утрачивает себя. Надо различать многообразие углов зрения на определяемый объект и подмену явления иными, пусть и в чем-то похожими феноменами. К примеру, стоит объявить журналистику пространством свободного полета фантазии, без опоры на документальную точность фактов, как она исчезнет, уступив место иным видам деятельности и их продукции: искусству, распространению слухов, сочинению сказок и небылиц и др. Критерии различения нужно искать не столько в определениях журналистики (они, как мы могли убедиться, не обладают смысловой однородностью), сколько в понимании ее специфической миссии, которое явно или латентно присутствует в общественном и профессиональном сознании. Подобным образом, хотя и не столь отчетливо, проводится разграничительная линия между журналистикой и самодеятельной коммуникацией в блогосфере, между журналистикой и профессиональной политикой и т. д.

Второй класс ограничений относительности включает в себя критерии *компетентности автора определения*. Исследователи культуры понимания полагают, что «степень понимания, а, следовательно, и успешность коммуникации обусловлены не столько знаниями (тезаурусами) участников коммуникации, не столько их „общей памятью“, сколько общей структурой открытого для них „поля значений“... для эффективности процесса понимания достаточно намек (жаргон, аргю, научные, религиозные и профессиональные знания, интимная лексика близких людей и т. д.)» [13: 17]. В нашем случае следует вести речь о включенности специалиста в обширное пространство знаний о журналистике, профессиональных понятий и терминов, опыта функционирования СМИ; все элементы в этом пространстве так или иначе взаимосвязаны между собой, в том числе на уровне ассоциаций и мыслительных рефлексов. Значит, верное определение в снятом виде воспроизводит не только непосредственно сам объект, но и длинную цепь ассоциаций с множеством других явлений и предметов, которые «родственны» данному объекту.

Посмотрим в этом свете на такое, например, определение журналистики: «Журналистика есть система внедрения в массовое

сознание социальных оценок текущей действительности, то есть оценок актуальных событий, попадающих в поле зрения массового сознания, оценок актуальных результатов практической деятельности с точки зрения интересов тех или иных социальных групп» [10]. Автор берет за основу весьма частный эффект деятельности СМИ, который к тому же на практике не всегда проявляется как доминанта их функционирования. Без долгих пояснений понятно, что гигантский массив элементов знания о журналистике исключен из возможных ассоциаций с этой дефиницией, она существует вне поля теории и реалий прессы в ее истории и актуальном состоянии.

Еще один ограничитель относительности заложен в *социокультурной среде*, «внутри» которой формируется и функционирует определяемый объект. Мы останавливали на этом внимание в связи с вопросом о дисциплинарной идентичности коммуникации. Попытки преодолеть влияние окружающей среды равносильны ее разрушению или созданию качественно другой системы координат.

Одну из таких попыток мы наблюдаем в опытах по внедрению в профессиональный оборот понятия лонгрида. Поборники новации объясняют свои творческие и терминологические пристрастия следующим, например, образом: «„Лонгрид“ — термин, пришедший из американских медиа. Этим словом изначально обозначали большие текстовые материалы на сайтах. На их чтение времени требовалось больше, чем на заметки. После „лонгридом“ стали называть... истории, рассказанные с помощью большого текста с вкраплениями фоторепортажа, видеосюжетов и инфографики... На какое-то время „сноуфолл“... заменил слово „лонгрид“. Однако спустя пару лет... термин „лонгрид“ снова вернулся в обиход. До сих пор дать однозначное обозначение „лонгриду“ довольно сложно. Новые мультимедийные проекты показали диффузию элементов, структур и платформ... Если провести аналогию с телевизионными жанрами, то лонгрид в каком-то смысле это то же, что и специальный репортаж» [1].

Ни в малейшей степени не критикуя выбор автора, не можем все-таки не акцентировать внимание на том, как он модифици-

рует устоявшийся в отечественной практике терминологический комплекс: во-первых, путем заимствования зарубежного опыта, во-вторых, ориентируясь на технологические (сетевые) стандарты, в-третьих, признавая, что существенные признаки явления обнаружить не удастся («долгое чтение» — признак формальный). В литературе по логике говорится, что для введения понятий используются приемы, сходные с определением, но не являющиеся таковым, — в частности, описание, которое «состоит в перечислении внешних черт предмета с целью нестрогого отличия его от сходных с ним предметов» [2: 42]. Однако ясного отличия, например, от упомянутого спецрепортажа в цитируемом высказывании тоже не видно. В итоге вряд ли приходится вести речь об оптимизации понимания между специалистами.

Подобная спонтанность выбора под влиянием ситуативных факторов получает распространение в новейшей журналистской практике. Так, «Комсомольская правда» начала регулярно публиковать в Интернете материалы, именуемые лонгридами. Запуская пилотный вариант, дизайнер проекта объяснил решение редакции: «Идея материала „Америка заключенных небоскребов“ появилась у шеф-редактора КП... после того [как] наш корреспондент... с фотографом... съездили в Америку. Они ездили по стране, брали интервью, и получился большой материал, а также множество фотографий и видео, и тогда появилась мысль сделать „наш Snowfall“ — аналог известного фичера NYT. Мы не живем в вакууме, и нам давно нравились материалы NYT...» [14].

Несложно убедиться в том, что побудительные мотивы действий в обоих примерах совпадают. Между тем самооценку «мы не живем в вакууме» следовало бы распространить на более широкий круг профессиональных традиций и фактов. В 1970-х гг. корреспондент «Комсомольской правды» В. Песков и правдист Б. Стрельников тоже совершили путешествие по Америке на автомобиле, их репортажи, обильно иллюстрированные фотографиями, длинными циклами публиковались в обеих газетах и в журналах, а затем вышли книжным изданием; этот опыт не был единичным [12; 16 и др.]. Путевые фоторепортажи и фотоочерки, как и другие большие тексты с иллюстрациями, глубоко

укоренены в российской журналистике, их переименование под аккомпанемент нестрогих определений создает лишь видимость качественного прибавления и одновременно преодолевает плодотворную инерцию преемственности в профессии.

Мы рассматривали метод определения понятий применительно к объектам разных уровней — от журналистики в целом до форм публикации материалов. Метод и в самом деле универсален, поскольку многочисленные понятия существуют в макро- и микросредах, и их распределение «по величине» могло бы стать темой специального классифицирующего исследования. Другими основаниями для классификации служат содержательные и функциональные характеристики. В самостоятельные группы выделяются, например, институциональные феномены (журналистика, профессия, корпорация), отношения и их репрезентация (ответственность, воздействие, независимость), процессы (творчество, служебная деятельность, функционирование), формы отражения (теории, ценности, долг) и проч. Нетрудно прийти к мысли о наличии целого ряда других критериев классификации.

Чем шире возможности для субъективно-интерпретативного подхода к объекту, тем более явно понимание (предпонимание, интуирование) становится базовой ступенью для конструирования определения. Иное познавательное решение заключается в переключении с метода определения понятия на объяснительные и описательные процедуры, которые предшествуют определению или компенсируют его отсутствие. По оценке психологов, интерпретационные методы в целом «заслуживают наименования подходов, поскольку являются в первую очередь объяснительными принципами, предопределяющими направление интерпретации результатов исследования. В научной практике получили развитие генетический, структурный, функциональный, комплексный и системный подходы» [11: 68]. Однако специальное рассмотрение этого вопроса выходит за пределы темы нашей статьи.

В минимальной степени разночтения в смыслах и дефинициях проявляются по отношению к предметно-вещным объектам, включенным в мир журналистики. Более того, здесь зачастую нет почвы для полемики по существу о терминах, даже если

они генетически принадлежат к иноязычной культуре. Диктофон, стоп-кадр, видеомонтаж — эти и подобные атрибуты технико-технологических процессов не пробуждают напряжения в дискурсе о смыслах. Ясно, что ориентация в предметно-вещной среде в большей степени характерна для практической журналистики, в то время как научное познание принципиально развернуто к отвлеченным понятиям, в том числе обозначающим объекты, которые не имеют материального воплощения. Тем не менее именно через сближение в смысловой идентификации и определении таких нематериальных объектов достигается понимание между наукой и практикой: для ученых это путь к адекватному отражению редакционной и — шире — массмедийной реальности, для практиков — движение в направлении развития профессионального сознания, от первоначальной рефлексии по поводу единичных событий и действий до профессионально-систематизированного мировоззрения.

...Пространность и многоаспектность нашей темы побуждает к тому, чтобы «собрать» опорные точки ее рассмотрения. Попытаемся изложить результаты анализа в виде последовательных заключений, в совокупности создающих **алгоритм применения метода** определения понятий для понимания в журналистике.

1. Определение понятий есть собственно метод исследовательского труда, а не произвольная деятельность, и обращение с ним требует определенной культуры мышления и навыков. В частности, необходимо на теоретическом и прикладном уровнях отличать его от внешне сходных процедур: описание, интерпретация и др.

2. Метод определения понятий служит решению конкретной научно-познавательной задачи, которая ставится в ясно выраженном виде; самодостаточная игра в дефиниции лежит вне поля науки.

3. Типичным объектом определения служат понятия, предполагающие выявление сущностных признаков предметов; в наименьшей степени метод применим и эффективен для характеристики «плоских» понятий, относящихся к техническому или технологическому обеспечению производственных процессов в журналистике.

4. Определение формируется контекстуально, с точки зрения, во-первых, научно-дисциплинарной принадлежности автора и его взглядов, во-вторых, следования научно-теоретической традиции (школе), в-третьих, соотношенности с профессиональным праксисом и академическим узусом в науке о журналистике. Контекстуальность служит причиной и основанием плюрализма и вариантности в составе определений.

5. Работа по определению понятий подчиняется правилам, сформулированным для нее в логике как науке о познавательной деятельности (фиксация существенных признаков, точность, краткость, недопустимость тавтологии и др.).

6. В журналистике находят место неоднолинейные взаимосвязи между этапами познания через оперирование понятиями: операции (процессы) определения понятий, описания, понимания могут выполняться в разной последовательности, в зависимости от родовых признаков объекта и их комбинации, развитости исследовательского инструментария и других факторов.

Л и т е р а т у р а

1. Амирханова Г. Лонгрид. Правила, примеры, сервисы // Look At Me. URL: <http://bestapp.menu/longrid-pravila-primery-servisy/>.
2. Гетманова А. Д. Логика. 6-е изд. М., 2002.
3. Кессарийский Э. П. Журналистский словарь. Н. Новгород, 2002.
4. Корконосенко С. Г. Актуальные проблемы современности и журналистика. Тольятти, 2009.
5. Костякова Ю. Б. Медиаистория: от понимания к определению сути и понятия // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 3.
6. Кудряшов С. В. Герменевтический подход в преподавании истории в школе // Известия Рос. гос. педагогич. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 113.
7. Лапина Т. С. Общее понимание культуры: социально-философское обоснование // Философия и общество. 2008. № 2.
8. Лепилкина О. И., Умнова Е. Ю., Зимин А. Е., Горюнова И. А. Азбука журналистики. М., 2005.
9. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М., 1979.
10. Науменко Т. В. Функция журналистики и функции СМИ. URL: <http://credonew.ru/content/view/176/25/>.
11. Никандров В. В. Экспериментальная психология. СПб., 2003.
12. Песков В. М., Стрельников Б. Г. Земля за океаном. М., 1977.

13. *Ротанова М. Б.* К вопросу о культуре понимания в практике социальной коммуникации // Вестн. Урал. гос. ун-та физич. культуры. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2010. № 1 (1).
14. *Савина А.* Как создавался вирусный лонгрид «Комсомольской правды» // Look At Me. URL: <http://www.lookatme.ru/mag/live/opinion/200629-kr>.
15. *Сергейчик Е. М.* Понимание как философско-педагогическая проблема // Институт альтернативного образования имени Я. Корчака. Гуманитарные ценности в образовании, социальной практике и управлении. URL: <http://alteredu.ru/2008/02/28/e-m-sergejchik-ponimanie-kak-filosofsko-pedagogicheskaya-problema/>.
16. *Стрельников Б. Г., Шатуновский И. М.* Америка — справа и слева: путешествие на автомобиле. М., 1971.
17. *Чердниченко В. И.* Современное журналистиковедение: стадия зрелости или синдром стагнации? URL: <http://forum.kubsu.ru/01/01.htm>.
18. *Matyash, O.* Perspectives of Russian educators on communication and communication education in Russian universities: a survey analysis // Russian Journal of Communication. 2015. Vol. 7, No. 1.

S. G. Korkonosenko

St Petersburg State University

METHOD OF THE CONCEPT DEFINITION IN THE UNDERSTANDING OF JOURNALISM

The article considers the essence of the concept definition method and the limits of its application for understanding in journalism. This method is both accurate and flexible, given the diversity of statuses and forms of the journalism functioning. The author analyzes examples of correct and incorrect definitions in the field of media.

Keywords: method, definition of concept, journalism, relativity.

А. Н. Марченко
С.-Петерб. гос. ун-т

ПОНИМАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОСНОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ

В статье обобщаются теоретические предпосылки понимания журналистики через мировоззренческую установку на самоотречение и передачу «не-личного» мнения. Представлены результаты исследования медиатекстов и опроса студентов, выявляющие самоотречение в практике и образовании журналистов.

Ключевые слова: понимание, мировоззрение, самоотречение, теория журналистики, журналистское образование.

Российские исследователи журналистики, фиксируя обострение противоречий в этой сфере, все чаще говорят о некоей черте, переход через которую может кардинально изменить отечественную медиасферу: «информирование о текущих событиях и их разъяснение уступили место открытой пропаганде идей, настойчивому, порой агрессивному продвижению определенной точки зрения» [11]; «в медиасфере наблюдается переход от ценностной неустойчивости концептов к оценочной определенности и смысловой ограниченности... язык непонимания предварают реальные политические конфликты» [9]. В этих условиях с особой актуальностью встает вопрос о взаимообусловленности мировоззрения и культуры понимания журналиста. Соответственно повышаются требования к университетской подготовке молодых журналистов, чье вхождение в профессию совпадает по времени с общественной трансформацией, которую сторонние наблюдатели, западные исследователи емко называют становлением «пост-пост-советской» России [13].

В чем же трудности журналистского познания в условиях этой трансформации? Каковы вызовы мировоззрению и культуре понимания журналистов? Многие медиасобытия, связанные со становлением новой России или создающие внешние условия

ее существования, крайне трудны для журналистского понимания: украинский майдан, крымская весна и кровопролитие в Донбассе, демонстративная жестокость ИГИЛ и теракты с якобы религиозным подтекстом, убийство Б. Е. Немцова и поиски внутренних и внешних врагов России. Относительно этих событий невозможно установить истину, доискаться, как оно было на самом деле, потому что их организаторы по своей природе внеположены медиасфере как пространству публичного общения.

Исторические аналогии и различные прогнозы не дают оснований предполагать, что ситуация изменится в лучшую для журналистского познания сторону, поэтому в особенности молодым журналистам необходимо с помощью науки определить крепкую мировоззренческую основу, которой *не может не быть*. Такой основой мы предлагаем считать **самоотречение журналиста**: понимание журналистики как сферы выражения не-личных знаний, мнений, ценностей. В идеале не-личное мнение — это мнение обуславливающей произведение социальной группы, от власти до обобщенного маленького человека.

Как компонент мировоззрения и принцип культуры понимания самоотречение не призвано сужать свободу творчества, тематическое и жанровое разнообразие. Это теоретическая норма, когда «нормативность ассоциируется с идеалом, который проецируется на практику, выступая для нее как эталон поведения» [5: 61]. Иными словами, самоотречение — это условие возможности журналистики в современной России, «рабочий стол», на котором ученые, преподаватели и практики смогут четко определить предмет, цели и задачи своей деятельности.

В этом контексте не оставляет равнодушным стройность мыслей советского ученого и организатора науки А. Ф. Бережного, когда он вспоминал о восстановлении журналистского образования в послевоенном СССР. Всем была известна цель работы — подготовка большого количества преподавателей и практиков для обеспечения восстановления страны. Для этого создавались кафедры и журналы, собирались конференции и семинары, перерабатывались условия практики и учебные планы [1]. Спустя полвека перед отечественной журналисти-

кой встают во многом схожие задачи, для решения которых необходима такая же ясность мышления. Мировоззренческие нормы и культура понимания, лежащие в ее основе, не могут быть «спущены сверху» или вчитаны в жизнь, а, наоборот, должны быть вычитаны из жизни, открыты в продолжение историко-культурной преемственности, как это было в послевоенном Советском Союзе. В этом смысле самоотречение журналиста противопоставлено обманчивой объективности, нефункциональному самовыражению и другим искусственным медиатрендам последних лет.

Мировоззрение — «совокупность взглядов, оценок, принципов, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека» [2]. Исходя из этого, в основу понимания журналистики в университетской среде должны быть положены наиболее общие взгляды и понятия, одинаково или схоже понимаемые профессиональным сообществом. Не случайно понимающая наука — герменевтика (от греч. *hermeneutike* — искусство разъяснения, толкования) — именно в наиболее общих понятиях представляет итог процесса понимания: «создание абстракций высших уровней и объединение их в различные концептуальные схемы представляет собой своего рода витки спирали, движение по которой сопровождается возвратом к старому... постоянным разрешением возникающих смысловых противоречий» [2].

Приведем пример создания «абстракций высших уровней» в смежной научной области — примере понимания культуры. Недавно ушедший философ В. Л. Рабинович предложил понимать культуру через концепт имитаторы: «имитационная часть — это традиционная часть, метафорическая же — инновационная. И культура обращена как в прошлое, так и в будущее — она вся в топике припоминания и вся в утопическом предвидении...» [10: 162-163]. Мы видим, что понимание культуры осуществляется исследователем в целом, в самых общих понятиях, чьи определения и связи составляют содержание понимания. Это показатель связи понимания с мировоззрением через степень общности их категориального устройства.

Понимание культуры как имитаторы дает и теоретическую норму, и метод анализа эмпирики, и алгоритм творчества в этой сфере. Самоотречение может являться одноуровневым и схожим по природе концептом для журналистики.

«Понять — значит выразить в понятиях», — утверждает вслед за Г. В. Ф. Гегелем философ А. С. Казеннов [4: 80]. Понятие журналистики общественно обусловлено. С. Г. Корконосенко справедливо замечает, что сущность журналистики вскрывается заново, когда устанавливаются иные координаты общественного бытия журналистики и исследовательского процесса [6: 101]. Журналистика вплетена в общественную жизнь, поэтому в понятии журналистики преломляются, в первую очередь, категории индивидуального и общественного, частного и общего: «журналист занят тем же делом, что и индивидуальный дух в науке: понимает происходящее (единичные события) у него на глазах, но от имени (или в интересах) общества (группы)» [4: 79]. Следовательно, отношения частного и общего определяют наиболее общие представления о журналистике. Иными словами, понимание журналистики может определяться ответом на вопрос: кому принадлежит журналистское перо — самому автору как личности; обществу, в историко-культурных противоречиях которого творит журналист; или его перо диалектически зависло между личностью и обществом, отражая неразрешимость этого противостояния?

Отношения журналиста и общества многообразны. Их позитивная сторона может быть представлена отношением индивидуального журналистского познания и творчества к «общему благу» [12]. Традиционно эти отношения рассматриваются в рассуждениях о публицистике: личное мнение журналиста может являться сакральным прорывом к сокровенному и возвышенному художественному знанию [8: 181], результатом непосредственно связанного с наукой глубокого и точного анализа или выражением простой теплоты человеческой субъективности [7: 7, 12].

Другую сторону отношений личности журналиста с обществом можно назвать негативной. Она характеризуется объ-

ективными и субъективными факторами. К первым относится необходимость подстраиваться к «кодовой системе, доступной широкой массовой аудитории» [7: 9], обживаться среди алгоритмов и «стереотипов в области идеологического и этического моделирования» [8: 181]. С. Г. Корконосенко в этом смысле говорит о журналистике антропоморфной в своих заблуждениях. Среди субъективных факторов — самодовольство и эгоцентризм прессы, которая, по словам А. В. Шевченко, подменяет факты бытия коллективного субъекта субъективными фактами. Согласимся с Л. П. Громовой в том, что «эти явления, получившие в наше время обоснование в теоретических концепциях о журналистике как о „четвертой власти“, о медиакратии, технологической свободе и проч., ставят под угрозу базовые ценности предназначения журналистики в служении обществу» [3: 160].

Противоречие частного и общего определяет мировоззренческий выбор: либо распространить личное знание, мнение, ценности, либо — не личное, групповое. Следовательно, при самом первом приближении мы увидим два понимания журналистики. Первое основано на способности или потребности, пусть даже подсознательной, отказываться от личного мнения, иными словами — на *самоотречении* журналиста. Второе основано на потребности и возможности выразить личное мнение, собственную систему ценностей. Как в приведенном понимании культуры, нам важно подчеркнуть теоретическую всеобщность этого разделения: борьба и единство частного и общего стягивают собою множество разнородных отношений в медиасфере и влияют на их развитие. Необходимо отметить, что в условиях легкости выведения и кажущейся очевидности одних положений и понятий всегда серьезно усложняются другие, неразрывно связанные с первыми, но как бы попавшие в их тень. В нашем случае на второй план отходит целый спектр вопросов — от самой возможности личного мнения в массовой коммуникации до целей и технологий разделения общества на группы.

На научных мероприятиях в СПбГУ интерес аудитории вызвало наше предположение о том, что журналистское образование вкладывает студентам норму самоотречения. От абитуриента до

профессионала три ступени: сосредоточенность сознания на себе и своих интересах; самоотречение; и, наконец, развитие журналистского я — *чистого стекла*, пропускающего как светлые, так и темные цвета «материнской» общественной жизни. Конечно, этот «правильный» путь не отменяет многообразия других сценариев, но если взять его в качестве модели, то самоотречение будет нулем, пунктом отсчета шкалы.

Если самоотречение характерно для журналистики и начинается развиваться в вузе, то это должно отражаться как в журналистских текстах, так и в закономерностях их понимания студентами. Чтобы проверить это, мы проанализировали медиатексты на предмет выражения в журналистском и, для сравнения, блогерском тексте либо личного, либо не личного (группового) мнения, а также провели опрос студентов, чтобы выявить понимание и оценку обоих вариантов.

Для выбора **текстов** в поисковых системах «ЯндексНовости» и «ЯндексБлоги» были сделаны запросы «1 год *возвращение* Крыма в Россию» и «1 год *аннексия* Крыма Россией». Из каждой выдачи были отобраны первые десять текстов. Полученные 40 текстов представляли альтернативные интерпретации присоединения Крыма, выраженные не-личным мнением в журналистике и личным в блогах.

В журналистских текстах, полученных по запросу «возвращение Крыма...», доминировало не-личное мнение наиболее широких социальных групп: народ, страна, население, для региональных изданий — регион. Общности представлены через географические названия (Россия, Крым, крымчане), названия политических институтов, экономические и социологические понятия (отрасль, большинство, меньшинство). Личное мнение журналиста выражалось всего в двух материалах из десяти.

Напротив, из десяти «пророссийских» блогов — три исключительно личностных поста, еще в трех личное мнение является одной из главных, организующих текст составных частей, а из четырех оставшихся, отражающих не-личное мнение, — два являются перепечатками из СМИ. Из социальных групп широкое представление в блогосфере, в отличие от журналистики, полу-

чили военные: вежливые люди, спецназ ГРУ, военное ведомство и ведомство Шойгу присутствуют в четырех текстах.

Большинство материалов про аннексию Крыма отражало геополитические противоречия, в которых растворены мнения социальных групп и общностей. Не получило явного выражения мнение народа Украины, заглушенное многоголосьем антироссийского лагеря, где Россия предстает коллективным субъектом, выраженным в словах «Москва», «Кремль», «Путин», с игнорированием народа, внутренних социальных групп и противоречий.

Шесть из десяти «антироссийских» блогов — это перепечатки из СМИ, посредством которых проявляется стремление отражать не-личное мнение: через экономическую терминологию представлены руководство и бизнес-элита России, по которым ударят санкции; распространены мнения западных политиков, не подкрепленные мнениями социальных общностей меньшего масштаба. Остальные тексты крайне субъективны, вплоть до нецензурной лексики и оскорблений в адрес населения Крыма и России.

Для «антироссийских» текстов типичен следующий пример: «Действие экономических санкций Запада и растущие расходы на содержание оккупированных украинских территорий обрушат ВВП Российской Федерации...». «Содержание территорий» предполагает в первую очередь содержание людей, однако вместо этого акцент сделан на оккупации, ценностно противоположной политике поддержки территорий в ущерб экономике метрополии.

Анализ текстов обозначил искомое противостояние не-личного и личного мнения. Можно предположить, что СМИ и блоги занимают свои ниши, разграниченные как тематически, так и по методам творчества, разница между которыми может корениться в разнородности мировоззрения и культуры понимания авторов текстов. Журналистика оглашает то, что *может быть оглашено* от лица социальных групп и, вследствие этой не-личной модальности, представляет преимущественно общедоступные идейные алгоритмы и стереотипы (в случае с Крымом это концепты референдума, историко-культурной преемственности, народного еди-

нения). Блогеры, говоря от своего лица, оставляют за собой право говорить как раз о том, чего нельзя высказать от лица общностей, например о роли российских военных в Крыму.

Для **опроса** из описанных 40 текстов было выбрано и напечатано на карточках 20 фрагментов, по пять из каждой группы. В первой части опроса, которую можно назвать свободным экспериментом, студентам предлагалось классифицировать карточки по произвольному основанию, сформировать группы и написать название каждой на конверте. Свобода понимания фрагментов обеспечивалась отсутствием объяснений целей и методики опроса. Содержание и структура понимания фиксировались в номинации групп. После сдачи конвертов опрашиваемым сообщались принципы выборки фрагментов, затем во второй части опроса им предлагалось разделить тот же набор карточек на две группы — фрагменты текстов СМИ и блогов.

Опрос проводился на одной из подсекций секции «Журналистика» молодежной конференции «Ломоносов-2015» (Москва, МГУ), а также на I и III курсах бакалавриата журналистики СПбГУ в апреле 2015 года. В опросе приняли участие 26 человек, что позволяет говорить о пилотаже более крупного исследования.

Ответы вносились в таблицу для сопоставления обеих частей опроса и поиска связей между названиями групп фрагментов и отождествлением этих же фрагментов с журналистикой или блогосферой. На основе этих связей фиксировались закономерности понимания журналистики.

Результаты пилотажа позволяют сделать вывод, что в студенческой среде существует понимание журналистики как представления не-личного мнения. Так, во второй части опроса не атрибутировались с журналистикой те тексты, которые до этого помещались в группы, содержащие в названиях слова-индикаторы личного мнения: *личная оценка, резко выраженная оценочность, нецензурная, экспрессивная, интернет-лексика, комментарии, низкопробные блоги, устами блогера, любитель, авторское присутствие, личные местоимения, определенно-личные предложения*. Коэффициент корреляции Спирмана, рассчитанный в программе IBM SPSS Statistics, $r=-0,8$; $p<0,05$. Более

того, понимание студентами-журналистами личной природы блогов коррелирует с негативной оценкой соответствующих фрагментов ($r=0,65$; $p<0,05$): *не основанное на фактах негативное отношение, отсутствие критической мысли, мусор, клише, гомофобия и шовинизм, злость, тексты хейтеры*¹.

Пилотаж не только подтвердил наши предположения «от частного», но и вскрыл затруднение экспликации понимания журналистики через не-личное мнение как таковое. Это затруднение связано с герменевтическим кругом — сложной зависимостью между смыслом целого и его частей [2]. В нашем случае герменевтический круг делает невозможным выделение индикаторов не-личного мнения вне сферы журналистских терминов и понятий, культуру понимания которых в свою очередь еще только предстоит определить. Связаны ли с выражением не-личного мнения такие слова из названий групп, как *издание, публикация, критика, аналитика, прогноз, оценка, образ, факты, ситуация, информация, пропаганда, идеология, ценности*? Закономерно, что фрагменты из этих групп чаще всего соотносились с журналистикой ($r=0,62$; $p<0,05$). В свою очередь, можно ли изъять из этого терминологического ряда явные не личные индикаторы: *другая сторона, разные точки зрения, единение народа, по принципу «мы», человеческий фактор, ссылка на источники, исторические ссылки, использование дополнительных документов, цитаты, позиция оппозиции и позиция правительства*? Отнесение фрагментов к соответствующим группам также коррелирует с отнесением к журналистике ($r=0,57$; $p<0,05$), но слабее.

На данном этапе исследования нас удовлетворяет заключение, что эти модели понимания — терминологическая и не-личная — существуют, накладываются друг на друга в понимании журналистики и отрицательно коррелируют с выражением личного мнения.

Дальнейшая исследовательская работа, помимо расширения настоящего опроса, может вестись по нескольким направлениям. Во-первых, это анализ понятийного строя журналистской науки,

¹ От англ. hate (ненавидеть) и от интернет-отповеди Haters gonna hate (Ненавистники пускай ненавидят), хейтер — ненавистник, мнение которого не волнует оппонента (chto-eto-takoe.ru, lurkmore.to).

призванный выявить закономерности наполнения терминов личностными и не-личными коннотациями. Для преодоления герменевтического круга возможно формулирование методологического подхода к нормативной интерпретации любых явлений из сферы журналистики через выражение не-личного мнения, мнения социальных групп и общностей.

Второе направление дальнейших исследований — это качественное изучение индивидуальных моделей понимания, которое способно объяснить обнаруженные количественные связи. Например, неоднократно зафиксировано понимание «в пользу» распространенного мнения, выраженное в смешении оснований классификации фрагментов («Взгляд Запада на ситуацию России и Украины. Нецензурная лексика») или в пристрастном противопоставлении двух групп («Положительное отношение к России, акцент на отдельные элементы, дедуктивный метод создания оценки» и «Негативное отношение к России, не основанное на фактах, резко выраженная оценочность»). В противовес пониманию в чью-то пользу встречалась нигилистическая модель понимания с ироничной и отрешенной номинацией всех без исключения групп: «Слава России! Путину слава!»; «„Факты? нападения“ (о коварных происках Запада)»; «Разнокалиберная антироссийская информационная артиллерия»; «Устами блогера...».

Третье направление развития темы — перенос матрицы выражения личного и не-личного мнения с мировоззренческих основ творчества журналистов на природу мировоззренческих конфликтов в медиасфере. В ходе проведенного опроса студенты продемонстрировали в целом одинаковое понимание журналистики с пророссийской и антироссийской позицией. Но можно полагать, что при увеличении масштаба наблюдения проявится понимание антагонистических позиций, интерпретированных опять-таки через отражение личного и не-личного, общего мнения. Так, пилотаж показал, что многие из антироссийских журналистских текстов в первой части опроса оценивались с использованием журналистской терминологии, но во второй части опроса, когда нужно было разделить карточки только на две группы, многие из этих фрагментов отправились в группу блогов, а пророссий-

ские СМИ упрочили позиции. Понимание журналистики через самоотречение и представление не-личного мнения способно объяснить это различие тем, что распространенная точка зрения кажется не личной, а непопулярные взгляды, напротив, кажутся субъективными, недостойными отнесения к журналистике, несмотря даже на их объективные социальные основания.

Иными словами, объективность терминов объясняет их интернациональность, получившую отражение в разнице между высокой частотой отнесения проукраинских текстовых фрагментов в терминологические группы и их сравнительно низким атрибутированием с журналистикой. А неотъемлемой частью журналистики, помимо интернациональности и общечеловечности, является национально-культурная специфика, которая оказывает значительное влияние на понимание жизни. Говоря в целом, в этом контексте самоотречение журналиста дополняет и обогащает понимание журналистики, требует своего дальнейшего изучения и применения в педагогической деятельности.

Л и т е р а т у р а

1. *Бережной А. Ф.* Отделение-факультет журналистики Ленинградского государственного университета в 1946–1985 гг. СПб., 2002.
2. Введение в философию / авт. колл.: И. Т. Фролов и др. 3-е изд. М., 2003. URL: ihtik.lib.ru.
3. *Громова Л. П.* Проблемы современной журналистики в контексте исторического развития // Изв. Южного федер. ун-та. Филол. науки. 2013. № 3.
4. *Казеннов А. С.* Понятие как средство и цель понимания // Век информации. Журналистика XXI века: культура понимания: матер. семинара всерос. форума с междунар. участием «Дни философии в Петербурге-2014». № 2 (S2) / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. СПб., 2015.
5. *Корконосенко С. Г.* Нормативные теории журналистики // Теории журналистики в России: зарождение и развитие / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2014.
6. *Корконосенко С. Г.* Теория журналистики: моделирование и применение. М., 2010.
7. *Мисонжников Б. Я.* Феноменология публицистического текста (Вступительная статья) // Публицистика в современном обществе: матер. научно-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (трагедия публицистики в информационном обществе)» (14 ноября 2013 года, Санкт-Петербург) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2014.

8. Мисонжников Б. Я. Художественный мир: гнозис и праксис в творчестве публициста // Публицистика в современном обществе.
9. Нигматуллина К. Р., Сидоров В. А. Динамика политических смыслов: интерпретации и понимание в журналистике (рукопись). СПб., 2015.
10. Рылева А. Н. Памяти В. Л. Рабиновича. Восемнадцать шагов // Вестн. Рос. филос. общества. 2014. № 2 (70).
11. Сметанина С. И. Варианты понимания мира и человека в политическом медиадискурсе // Медиа в современном мире. 54-е Петербургские чтения: тезисы междунар. науч. форума 23-24 апреля 2015 г. / отв. ред. В. В. Васильева. СПб., 2015. URL: <http://jf.spbu.ru/conference/5385/5389.html>.
12. Хруль В. М. Стремление к общему благу как системообразующий принцип нормативной модели социально ориентированной журналистики // Медиа в современном мире. 54-е Петербургские чтения. URL: <http://jf.spbu.ru/conference/5385/5389.html>.
13. Past the “-Post”: Theorizing the Post-Post-Soviet via (New) Media and Popular Culture: Conference in University of Amsterdam, 11-12 June 2015 // Mailing list ECREA. URL: <http://commmlist.org/archive/all/2015-all/msg00224.html>.

A. N. Marchenko

St Petersburg State University

UNDERSTANDING OF BASIS OF JOURNALIST’S WORLD OUTLOOK IN GRADUATE SCHOOL

The article presents the theoretical background of understanding of journalism as a self-denial and transferring of “non-personal” opinions. Results of the media texts research and a survey of students, which demonstrate self-denial in practice and journalism education, are presented.

Keywords: understanding, outlook, journalist self-denial, journalism theory, journalism education.

О. С. Путинцева

ЭКСПЕРТИЗА КАК ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПОНИМАНИЯ В ЖУРНАЛИСТИКЕ

В статье изложена поэтапная программа экспертизы, цель которой — получение эмпирических данных об уровне развития культуры понимания в практической журналистике. Представлены промежуточные результаты анкетирования, первого этапа экспертизы.

Ключевые слова: культура понимания, экспертиза, опрос журналистов.

Проект «Культура понимания в журналистике современной России» предполагает получение эмпирических данных с построением и использованием специальной исследовательской методики. Выяснить, насколько развита в среде практикующих журналистов культура понимания, невозможно, если ограничиться серией экспертных интервью. Отсутствие концептуальной ясности в исследовательском поле (что и определяет актуальность данного НИР) неминуемо привело бы к размыванию предмета интервью, но прежде всего — к зыбкости критериев, по которым квалифицированные эксперты отделялись бы от иных собеседников.

Замерять состояние профессионального сознания (самосознания) журналиста, определяющее качественный уровень его деятельности, следовало бы, основываясь на знаниях о его личности, в первую очередь психологических характеристиках. Но при данном подходе значительная часть информации, относящаяся к роли журналиста в создании условий оптимального социального взаимодействия, ускользает от исследователя. В то время как ментальное сближение журналиста и общества — это то измерение, в котором культура понимания в журналистике раскрывает себя наиболее полно.

Взяв во внимание все вышеперечисленное, мы останавливаем выбор на **экспертизе культуры понимания в журналистике** как

специальной исследовательской методике. Соответственно, нами разработана программа экспертизы, которая при проведении эмпирического исследования позволяет избежать слишком широкой трактовки понятия «культура понимания», искусственности в выборке респондентов для глубинных интервью, а также создает рабочую директорию для накопления и обработки данных.

Цель экспертизы — определить уровень культуры понимания в практической журналистике. Достижение цели планируется через последовательное выполнение нижеследующих задач:

1. стимулировать у представителей современной российской журналистики профессиональную рефлексию в заданном направлении;

2. выявить представления журналистов-практиков о культуре понимания, исходя из тенденций, прослеживаемых в ответах;

3. выяснить степень соответствия журналистских произведений сформулированным представлениям.

Как любое качественное исследование, данная экспертиза сталкивается с проблемой надежности данных, такова наиболее уязвимая сторона этой методологии. Как утверждает известный социолог В. А. Ядов, хороший способ повышения надежности данных — это отбор объектов для интервьюирования из выборки уже выполненного массового обследования [2: 424]. *Первый этап* экспертизы предполагает такое подготовительное обследование: опрос практикующих журналистов с целью выявления заинтересованных в обозначенной проблеме персон, их готовности к обсуждению темы и в общем — определения принципов формирования группы респондентов (репрезентативность, поляризация или др.).

Анкета состоит из 5 вопросов (1 — с открытым ответом, 1 — с закрытым и 3 комбинированных), не предполагающих глубокого или специального погружения в тему, однако подразумевающих знакомство с проблемой ближе обывательского. Анкетирование письменное (лично, через социальные сети и e-mail).

Поскольку развитая культура понимания журналистом общества и его разнообразных представителей может проявляться в интеллектуальных, эмоционально-психологических и

профессионально-методических формах [1: 13], при отборе респондентов необходимо учитывать:

- а) развернутость ответов;
- б) уровень обобщения (личный — «я»; корпоративный — «моя редакция»; городской — «петербургские журналисты»; профильный — «музыкальные журналисты», «фотокоры»; профессиональный — «мы, журналисты»; национальный — «российская журналистика»; предельный — «современная журналистика»);
- в) степень эмоциональности / аргументированности;
- г) четкость в формулировании позиции;
- д) дополнительную ценность сообщения (отсылка к работам других журналистов, художественность, примеры из практики, собственные рассуждения, культура речи);
- е) близость к исследуемой проблематике.

Опрос методом «снежного кома» нацелен на охват как можно большего количества журналистов, различающихся между собой по ряду признаков: пол, возраст, тип СМИ, специализация и др., с дальнейшим выявлением общих тенденций.

Предполагаемое количество анкет — 100–120, предполагаемая выборка респондентов — 10.

Второй этап экспертизы представлен фокусированными интервью с выбранными журналистами, чьей доминантной характеристикой является желание и умение понимать и быть понятыми. Возможно также использование элементов клинического интервью. В ходе беседы интервьюируемый при участии исследователя определяет для себя компоненты культуры понимания в журналистике: принципы и организация работы журналиста / редакции, характеристики журналистского материала, в основу которого заложено понимание, и т. д.

На этом этапе исследователь, углубляясь в тему, конкретизирует субъективные представления респондента о предмете. Возможность для этого предоставляют не только непосредственное общение с респондентом, но и полевые документы, которые могут помочь при дальнейшем анализе (фотографии, письма, дневники, выписки из официальных документов и т. д.) [2: 418–419]. Предполагаемое общее количество вопросов 10–12, часть из них

носит ситуативный характер (например, сравнить два текста) или ставится в жесткой форме, когда требуется привести примеры, назвать имена и т. п.

Третий этап экспертизы предусматривает сравнительный анализ ответов всех выбранных респондентов. Общие начала, выявленные при сопоставлении результатов интервью, служат основой для формулирования гипотезы.

Работа на третьем этапе экспертизы в целом отвечает принципам аналитического описания, центральная задача которого — выявить скрытый социальный смысл наблюдаемого факта [2: 425].

Операциональное определение и эмпирическая интерпретация гипотезы предшествуют анализу выбранных на втором этапе объектов (текстов, сюжетов, сайтов, профилей в социальных сетях) при помощи методов, соответствующих объектам и содержанию гипотезы. Так, метод лингвостилистического анализа может соответствовать объекту (текст), но не содержанию гипотезы в том случае, если большинство респондентов не посчитали особенности речевой системы значимыми для культуры понимания журналиста. Важно включить в круг анализируемых объектов те, к которым респондент имеет непосредственное отношение, предпочтительнее — результаты его профессионального труда (произведения), и отобразить корреляцию между декларируемыми принципами и реальной картиной. В совокупности эти операции составят *заключительный этап* экспертизы.

На момент написания статьи начато выполнение представленной программы. Было проанкетировано 74 человека: лично — 32, с помощью социальных сетей Facebook и Вконтакте — 26, по электронной почте — 16. По месту пребывания опрошенных распределение выглядит так: Санкт-Петербург — 50, Москва — 13, регионы России (Барнаул, Иркутск, Нижневартовск, Томск, Шелехов) — 11, за границей (США) — 2 человека. По меньшей мере 16 респондентов сменили место жительства ради учебы или работы.

Численное распределение между видами СМИ оказалось следующим: печатные (в том числе сайты печатных СМИ) — 25, ра-

дио — 22, сетевые издания — 20, информагентства — 9, ТВ — 7, другое — 3.

Соотношение по полу примерно равное: женщин — 39, мужчин — 35. По возрасту самой значительной группой стали люди в возрасте от 30 до 45 лет (32), чуть меньше молодых, до 30 лет (30), респондентов старше 45 оказалось 4; возраст 8 участников выяснить не удалось.

Первый вопрос предполагал комбинированный ответ (вариант и аргументация): *Что для журналиста важнее: (А) понимать окружающую действительность или (Б) понимать, чего хочет аудитория?*

42 ответивших считают, что (А) и (Б) важны в равной степени, 25 отдают предпочтение окружающей действительности, понимание аудитории важнее для 5; «Другое» выбрали 4 человека.

Второй вопрос был закрытым: *Как вы полагаете, в современном российском обществе превалирует (А) разобщенность или (Б) сплоченность?*

Разобщенным современное российское общество посчитали 42 человека, сплоченным 18, другой вариант ответа был у 14 респондентов.

Третий вопрос с открытым ответом, дополняя второй, сформулирован таким образом: *Как, по вашему мнению, стоит содействовать тому или другому?*

Четвертый вопрос также предполагал комбинированный ответ и звучал так: *На ваш взгляд, современные журналисты открыты к диалогу с людьми, для которых работают?*

Скорее открытыми журналистов посчитали 30 ответивших, открытыми, но не иницилирующими диалог — 15; журналисты не нуждаются в диалоге — 7, ни одна из сторон не нуждается в диалоге — 5. «Другое» отметили 19 ответивших, аргументировав свой выбор.

Сумма ответов в вопросах 1 и 4 больше 74, так как некоторые из респондентов сочли необходимым выбрать несколько вариантов.

Самым «творческим» вопросом был пятый, призванный выявить сразу несколько узловых моментов во взаимоотношениях журналиста и аудитории: *Могли бы вы кратко описать своего*

читателя / слушателя / зрителя? Что вас объединяет? Среди наименее «общих» ответов можно было встретить преимущественно технические (целевая аудитория, статистика) и образные (художественное описание, житейские истории, примеры из практики).

После первичного анализа результатов опроса еще рано устанавливать зависимость между теми или иными признаками и компетентностью журналистов в вопросе культуры понимания. Однако общая направленность ответов свидетельствует о том, что на первом этапе выбранный курс коррелирует с целями исследования.

Литература

1. Журналистика XXI века: культура понимания / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. СПб., 2015.
2. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2003.

O. S. Putintseva

St Petersburg State University

THE EXPERTISE AS A PROCEDURE FOR STUDYING THE CULTURE OF UNDERSTANDING IN JOURNALISM

The phased program of expertise is described in the article. The purpose of the work is obtaining of empirical data on the level of development of the understanding culture in practical journalism. The interim survey's results and the first phase of the examination are presented.

Keywords: culture of comprehension, expertise, journalist, survey.

В. А. Сидоров

ИНТУИТИВНОЕ ПОНИМАНИЕ МИРА В ЖУРНАЛИСТИКЕ

В статье рассматривается соотношение интуиции как специфического состояния сознания журналиста и метода интуитивного понимания мира в журналистике, анализируется ценностное начало этого метода, отмечаются параметры применения интуитивного подхода к интерпретации явлений и фактов социального мира.

Ключевые слова: журналистика, интуиция, понимание, интерпретация смыслов, ценности.

Интуиция и интуитивное понимание: теоретическая база изучения. О феномене интуиции только за последнее время издано немало число превосходно исполненных научных работ, среди которых отметим фундаментальный труд А. С. Кармина «Интуиция. Философские концепции и научное исследование». Солидный том в 900 страниц снабжен тщательно выверенной библиографией [12: 857-886]. Определенно, к ней стоит отнестись с полным доверием, поскольку перечень литературы, так или иначе раскрывающей значение интуиции в жизни человека, Кармин составлял почти всю жизнь. Последний библиографический список из 368 наименований на русском языке, включая переведенные работы зарубежных ученых, и 268 — на английском отразил наиболее близкое нам по времени состояние исследований в области интуиции человека. Даже беглый анализ опубликованного ученым перечня литературы по теме позволяет увидеть некоторые тенденции. Скажем, если вычлнить из совокупности наименований те, в названии которых непосредственно значится указание на предмет анализа автора монографии — интуицию / интуитивное, то получится очень интересная картина.

В «русской» части списка содержатся наименования 50 монографий, статей, авторефератов диссертаций, непосредственно рассматривающих вопросы интуиции, в «зарубежной» таких

работ насчитывается уже 95; в общей сложности 145 работ. Поименованные ученым труды исследователей касаются разных аспектов изучения феномена интуиции — творчества, науки в целом / познания / философии, психологии, любви, бизнеса, медицины, магии, спорта... При этом в составленной Карминым библиографии нет ни одного упоминания журналистики. Это можно понять как свидетельство отсутствия специальных работ о значении интуиции в труде журналиста, а если и появлялись какие-то статьи на эту тему, то они не вошли в научный оборот. Также подчеркнем еще одно немаловажное обстоятельство: в отмеченных нами 145 работах предметом изучения является собственно *интуиция* в той или иной области духовно-практической деятельности человека, вопрос же об *интуитивном понимании мира* либо не ставится вовсе, либо оказывается на втором плане и вычитывается в трудах философов, затрагивающих эту сторону вопроса. Так что интуитивное понимание мира в журналистике до сих пор так и не стало самостоятельным предметом исследований.

В то же время в исследовательской литературе всегда называется прогностическая функция как объективно присущая журналистике. А среди методов журналистской прогностики важное место отводится интуитивному. Так что интуитивному пониманию мира в журналистике уже найдено определенное место в теории журналистики и массовых коммуникаций [20: 100-104]. Во многом это объяснимо тем, что интуиция и творчество — неразлучная пара нашего мыслительного процесса. «Творчество, — пишет В. М. Горохов, — есть общественно целесообразное и субъективно значимое открытие нового в сфере производства, управления, науки, техники, искусства, журналистики и т. д. Творчество рождается, когда работа, связанная с воссозданием имеющегося знания, методов и форм деятельности, уже не удовлетворяет общественным и личностным потребностям. Возникающее при этом противоречие преодолевается с помощью продуктивного, новаторского решения» [9: 4]. Таким образом, среди причин, «запускающих» творческий процесс, обязательно присутствие противоречия, которое способно побудить

нас искать нетривиальные пути решения возникающих проблем. Можно утверждать: чем острее проблема, чем неразрешимей на первый взгляд, тем чаще возбуждается в нас таинственное нечто, соединяющее в себе поэзию и фантастику, эмоциональное и рациональное, тем более смелыми и дерзкими становятся наши выводы и планы. Но при этом следует согласиться с тем, что «художественное творчество принципиально отличается от научного типа мышления. С помощью науки человек объясняет мир. С помощью искусства он его понимает. Понимание не сводится к познавательному акту, это больше, чем искусство истолкования, объяснения» [14: 106, 108].

Далее, в составленной Карминым библиографии заметно, насколько значителен в ней удельный вес работ по интуиции в гуманитарной сфере. В этих трудах так или иначе ставится вопрос не столько о значении интуиции в творчестве художника или мыслителя (все сходятся на том, что оно очень высокое), сколько о превращении интуиции в инструмент интерпретации и понимания мира. Так что для изучения интуитивного понимания мира как метода журналистского творчества уже созданы надежные методологические предпосылки. Но для дальнейшего рассмотрения вопроса необходимо найти различие между интуицией как особым состоянием мышления человека и методом / инструментом познания.

Интуитивное понимание мира в гуманитарной сфере: основные признаки и постановка проблемы. Начнем с того, что по сравнению с точными науками в сфере гуманитарных дисциплин интуиция, по всей видимости, покоится на иных основаниях. Так, нельзя вообразить, будто бы в античной Греции могла быть интуитивно нащупана проблема, которая вскоре легла в основу теории относительности. Зато в древнегреческой драме уже тогда ставились вопросы о месте человека в мире, долге, судьбе, вере и безверии. И к тому не надо было никаких специальных исследований, просто художник особым зрением видел, о чем нужно говорить. «Незавершенность социальной действительности оставляет место для различных путей и направлений ее развития и, соответственно, ее различных интерпретаций, — пишет

известный политолог. — Это тем более верно в отношении мира политического, где основополагающее значение имеют выбор, потребности, интересы и цели людей... Социально-исторические и общественно-политические феномены и процессы не всегда поддаются строго логическому анализу и закономерностям причинно-следственной детерминации» [6: 308-309]. В свои права вступает интуитивный метод, когда в силу незавершенности процессов исследователь оказывается на развилке дорог и выбрать одну из них предстоит на основе некоего сверхчувства. «В поисках решения проблемы, в процессе открытия мысль зачастую черпает ассоциации и аналогии из весьма отдаленных областей. Порой в сокровенных глубинах души как бы наплывом возникают поражающие глубиной прозрения образы, которые намного обгоняют логически систематизированную мысль» [21].

Слово «интуиция» происходит от латинского *intuitus* — взгляд, вид, что означает рассмотрение, видение, созерцание. С древнейших времен в этот термин люди вкладывали свое представление о духовном видении, вроде вдохновения, понимания, которое приобретает непосредственно, а не эмпирически или путем размышления. Это непосредственное переживание действительности, «откровение, развивающееся изнутри человека», как говорил И. В. Гёте.

Понимание сути предмета, полученное благодаря интуиции, непосредственному постижению сущности вещи, — основа интуитивного знания. И. Кант рядом с логической ясностью, полученной с помощью образования понятий, ставил интуитивную, то есть эстетическую, чувственную ясность, приобретенную с помощью видения. Иными словами, говоря об интуиции, мы всякий раз подразумеваем нечто, приходящее в наше сознание почти ниоткуда. Говорим «почти», потому что догадываемся: просто так ни один образ, ни одно видение нас не посещают, ни одно озарение на пустом месте не возникает, им всегда должно найтись рациональное объяснение.

Академик Н. П. Бехтерева, размышляя об этом «ниоткуда», о диалектике посещающих человека озарений и умозаключений, попутно дала свое определение гениальности — это способность

находить правильное решение сложных проблем по минимуму выведенной в сознание информации [4: 12]. Так ученым в лаконичной форме очерчен механизм интуитивного мышления...

Когда-то Платон заметил, что наяву и во сне создаются воображаемые представления, а вслед за ними — образы в зеркалах, возникающие путем отражения. В одном случае левое представляется правым, в другом — отображается то же самое, в третьем — более далекое оборачивается близким, и наоборот [19: 458]. В этом замечании философа видится сложность и противоречивость интуитивного мышления, поэтому вечен вопрос, насколько, в каких пределах и случаях можно доверяться интуиции.

В каждой области человеческой деятельности ответ особый. Однако не будет преувеличением, если скажем, что в гуманитарной сфере жизнедеятельности людей, прежде всего в эстетической, интуитивное мышление, интуитивные способы познания окружающего преобладают.

Фетишизация формально-логического, «чисто математического метода», явно или неявно выраженное ошибочное убеждение, что истинно научным можно назвать только строгое формально-логическое умозаключение, свойственно и некоторым гуманитариям. Поэтому, — пишет Е. Фейнберг, — всякая научная система в области точного знания в той степени, в какой оно претендует на описание реально существующего мира, неизбежно содержит два важнейших элемента: не только строгое логическое доказательство, но и суждение или интуитивное усмотрение. При этом цитируемый автор поддерживает «определение интуиции как способности постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательств», а также делает поразительное замечание о том, что «„интуиция — суждение“ может быть сведена к „интуиции — догадке“, поэтому более чем интересно суждение Павла Флоренского „Истина есть интуиция“» [23: 41, 49-51].

Послушаем и А. С. Кармина. «Очень разноречивы оценочные суждения об интуиции, — пишет он. — Что только не говорят о ней! Это высший, даже сверхъестественный, дар, единственно способный пролить свет истины на сокровенные тайны бытия,

недоступные ни чувствам, блуждающим по поверхности вещей, ни рассудку, зажатому в железные оковы логики. Это удивительная сила, легко и просто переносящая нас через пропасть, отделяющую условия задачи от ее решения. Это счастливая способность мгновенно найти идею, которая лишь задним числом, в поту и муках, будет затем обоснована рассуждениями и доказательствами. Но вместе с тем интуиция — это обманчивый, коварный, опасный путь, могущий завести в тупик. Это надежда ленивых, не желающих изводить свои мозги напряженными умственными усилиями и рассчитывающих на везение, на авось, на счастливый случай. Это наивное дитя интеллекта (или инстинкта), чей бессвязный лепет лишен ясного смысла и только после бесчисленных поправок может приобрести какую-то информативность» [12: 30]. Не правда ли, очень похоже на результаты мук творчества в журналистике? Потому что интуиция как состояние сознания не всегда становится методом работы журналиста.

В гуманитарных науках и областях деятельности (в журналистике в частности) интуитивные умозаключения, основанные на обобщающей оценке огромного разбросанного фактического материала, являются важнейшими элементами, встречающимися на всем протяжении цепи рассуждений. Поэтому для постороннего человека псевдонаука может выглядеть столь же убедительно, как и подлинная. Таким образом, псевдонаучная деятельность (а ее много и в медийной среде), базирующаяся на ложных интуитивных заключениях, в известном смысле незатруднительна: сам автор псевдонаучных суждений не способен увидеть неправомерность, ошибочность своих умозаключений. Конечно, интуитивное умозаключение совершенно необходимо для раскрытия истины, но в то же время ясно, что необычайно трудно осуществить правильное суждение, не страдающее субъективностью. Неудивительно, что некоторые философы считают интуицию высшей формой проявления интеллектуальной способности.

Гуманитарная сфера познания социального мира обладает примечательной противоречивостью. Автор может высказать свое суждение, аргументировать, доказать его, а удел читателя

оценить весомость такого умозаключения на личном интуитивном уровне. Поэтому здесь возможно высказывание читателя, которое, например, в математике немислимо: «Да, вы доказали, но я внутренне не могу с этим согласиться». Суть восприятия литературного произведения читателем хорошо выразил писатель-философ Ст. Лем: «Я ценю только такую литературную ложь, которая приносит мне некую правду» [15: 457]. И дело не в том, что он и «сам обманываться рад», а в том, что вместе с талантом готов сопереживать интуитивно найденную истину. Таким образом, в интуитивном понимании мира особенно значима роль аудитории.

В монографии И. А. Бесковой есть интереснейший пример. Однажды В. И. Пудовкин сделал крупным планом снимок замечательного русского актера Ивана Мозжухина, выражение лица которого было совершенно бесстрастным. Затем он смонтировал три отрывка, в каждом из которых этот снимок шел после следующих кадров: тарелки с супом, женщины в гробу и ребенка, играющего с плюшевым мишкой. В результате создалось впечатление, что Мозжухин смотрит на тарелку с супом, мертвую женщину и ребенка в соответствии с объектом: в первом случае — задумчиво, во втором — с выражением горя, в третьем — улыбаясь. Опыт Пудовкина показателен для выявления степени воздействия контекста воспринимаемой информации на результаты восприятия [3: 75].

Также исключительно велика роль интуитивного суждения в области социальных отношений. Е. Фейнберг обратил внимание на то, что корень самого слова «суждение» тот же, что в словах «суд», «судья». Принято говорить, что суд решает дело, руководствуясь строго доказательными доводами, неоспоримыми свидетельствами, исключающими произвол. Это, конечно, идеал, обязательная цель. Но даже в этом идеале есть неизбежный элемент, определяющий исход дела и сводящийся к чисто интуитивному суждению. Этот элемент — оценка убедительности, достаточности доказательств, обосновывающих решение. Все это в разной мере может подкрепляться разумными доводами, критериями практики, доверием к традиции, нормам поведения и пр. Но все

равно любое принятое решение не будет безусловно доказательным [23: 60-61]. В этом аспекте закономерно понимание политического анализа как искусства, требующего реконструкции не только рациональных, поддающихся квантификации, калькуляции мотивов, интересов людей, но также их иррациональных, подсознательных, неосознанных побуждений. Эти побуждения не поддаются квантификации, математизации и другим атрибутам естественных наук, а требуют воображения, интуиции, своего рода способности «мысленного эксперимента» [6: 309, 310].

Дело не только в том, что каждый из приводимых аргументов обязательно включает в себя интуитивный элемент. Столь же важно и то, что при формулировании окончательного суждения нужно сделать выбор между доводами «за» и «против». Этот выбор и есть предмет синтетического, целостного интуитивного суждения [23: 64], своего рода озарения, пришедшего будто бы ниоткуда.

«Годятся ли мои „ниоткуда“, — пишет крупнейший специалист в области изучения работы головного мозга Н. П. Бехтерева, — на роль озарений, просветлений?.. Мне почему-то кажется, что это частично похоже на гипноз... Это как бы состояние „приема“. Причем оно не является чем-то экзотическим, не слишком отличается от нормы. Близкое состояние описано у Стейнбека в его замечательной и трагической „Жемчужине“. Для того чтобы найти жемчужину, нужно хотеть найти ее; но не слишком сильно хотеть — можно спугнуть удачу... Чаше всего эмоции заслонят разум, мозг не окажется оптимальным детектором истины, в том числе и логически оправданной. А изредка... человек может оказаться как бы в другом измерении: он видит, слышит, обоняет то, что окружающим обычно не дано» [4: 12]. Потому совершенно правы специалисты в области философии культуры, когда заявляют, что «смыслы в природе вычитывает человек» [10: 251].

Мнение философов можно подкрепить широко известными строчками Анны Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда, / Как желтый одуванчик у забора, / Как лопухи и лебеда»... В творчестве поэта всегда присутствует элемент вдохновения, как бы и кем бы это понятие ни тракто-

валось. Владимир Маяковский в статье «Как делать стихи?» на этот счет дал несколько правил, среди которых выделим одно: все правила — чистая условность. «Как в шахматах. Первые ходы почти однообразны. Но уже со следующего хода вы начинаете придумывать новую атаку. Самый гениальный ход не может быть повторен при данной ситуации в следующей партии. Сбиваете противника только неожиданность хода» [17: 471].

Конечно, очень сложно найти для себя верное объяснение интуиции в работе над газетной статьей или телеочерком, и не всегда вдохновляют примеры великих, часто мучает непостижимость методов научного познания, способных принести здесь и сейчас конкретную пользу. «Не стоит из-за этого расстраиваться, — замечает Ст. Лем, — потому что если бы в этом отношении мир не оказывал сопротивления, то, наверное, в таком мире и жить бы не стоило... Это был бы мир без риска, вполне прозрачный и лишенный всякой загадочности, мир, где на все случаи приготовлены рецепты, алгоритмы, индукции, дедукции, верификации, фальсификации — мир такой уж „доброжелательный“ в отношении искусства и познания, что и то и другое немедленно обрек бы на вечную безработицу» [15: 526].

Итак, в наших рассуждениях уже достигнут уровень амбивалентности в подходах к интерпретации особого значения интуиции в жизнедеятельности художника и мыслителя. Подведем некоторые итоги.

Во-первых, установлено представление о том, что интуицию в нашем сознании пробуждает ощущение незавершенности понимания социальной действительности в картине мира, которая открывается взгляду художника или мыслителя. При этом «в своем описании проблем, в том, какие именно проблемы поднимает автор, что он считает главным, в каком контексте он подает эти проблемы, какие пути решения предлагает, он опирается на априорные для него системы оценки, на очевидные для него истины. Под априорными посылками мы будем понимать те идеи, ценности, установки, мнения, из которых автор исходит в своих рассуждениях, то, что он принимает как „естественное“, „всем очевидное“, то, что, с его точки зрения, не требует доказательств» [2: 43].

Во-вторых, философы, писатели и даже представители естественных наук склонны рассматривать интуицию как чувственную ясность, решение, пришедшее к тебе как будто бы «ниоткуда», как постижение истины без доказательств. Отчего закономерна формула, согласно которой «интуиция — это свернутая, резко сгущенная логика мысли» [21].

В-третьих, тем не менее в любом решении всем известная процедура оценки убедительности представленных доказательств — тоже проявление интуиции. Потому что понимание как проявление нашего сознания носит творческий характер и представляет собой переход от интуитивного мышления к рациональному познанию. Так что «интуицию нельзя считать каким-то принципиальным отклонением от обычных путей постижения истины... За способностью как бы „внезапно“ угадывать истину на самом деле стоят накопленный опыт, приобретенные ранее знания... Результаты интуитивного познания со временем логически доказываются и проверяются практикой» [24: 215-216].

В-четвертых, особо подчеркнем как неотъемлемое для нашей культуры значение интуиции в качестве процедуры вычитывания смыслов природы. А это уже почти оформленная идея понимания интуиции как инструмента в познавательной деятельности человека. С чего и начинается решение главной задачи — определить метод интуитивного понимания мира в журналистике.

Ценностно-рациональный характер интуитивного понимания мира в журналистике. Начнем с парадокса: сказать об интуиции в журналистике — это значит говорить обо всех подробностях журналистской профессии, этапах создания журналистского произведения и т. д. Интуиция непременно присутствует всегда и в каждом уголке журналистского дела — от выбора темы и рождения замысла будущей публикации до определения той точки, на которой ее автор сочтет цель своего труда достигнутой. При этом журналисты не задумываются о том, что в их работе большая роль отведена интуиции. Даже те из них, кто позднее тщательно анализировал свой журналистский опыт, как, например, Валерий Аграновский: «Чаще всего замысел лишь предчувствие темы, достаточно аморфное и в некотором смысле

безответственное, как, например: „Хорошо бы написать о любви!“ Я утрирую, но все же это пример замысла. Сколько подобных ему могут остаться нереализованными, потому что им еще далеко до темы, потому что они лишены мыслей, потому что замысел — стадия, практически мало к чему обязывающая журналиста, а тема — это уже реальная основа для сбора материала и его написания» [1: 11].

Предчувствие темы, выросший на его основе художественный замысел — это ипостаси все той же интуиции. И даже структура журналистского произведения обязана интуиции автора. Конечно, собранный журналистом материал во многом диктует будущую композицию статьи / передачи, но за ее убедительность в восприятии аудитории отвечает интуиция журналиста. Не случайно «интуицию издавна делят на две разновидности: чувственную и интеллектуальную. Интуиция — это некое полуинстинктивное сознание и вместе с тем стоящее выше обычного сознания... В поисках решения проблемы... мысль черпает ассоциации и аналогии из весьма отдаленных областей... Порой в сокровенных глубинах души как бы наплывом возникают поражающие глубиной прозрения образы, которые намного обгоняют логически систематизированную мысль. Интуиция схватывает многообразие особенностей объекта в их единоцельности, „заглядывая“ на объект откуда-то из-за „спины“ интеллекта» [21].

Заглянуть из-за «спины» интеллекта не значит обойтись без него. Анализ литературы по данной проблематике позволяет утверждать, что большинство авторов склонны полагать интуицию высшим проявлением интеллектуальной мощи человека. Так, А. С. Кармин пишет, что «понимание интуиции колеблется между двумя смысловыми полюсами: в одном из них она толкуется как „рациональная (или интеллектуальная)“, связанная с сообразительностью, пронизательностью, умственной зоркостью; в другом — как „нерациональная (или неинтеллектуальная)“, проявляющаяся в виде инстинкта, чутья, неведомо почему появившегося чувства. В зависимости от контекста на первый план выдвигается то один, то другой смысл, хотя и не всегда можно их четко разграничить» [12: 27-28].

Из сказанного следует, что применительно к журналистике говорить об интуиции вообще особого смысла нет: практически все сформулированные специалистами положения о значении интуиции в гуманитарной сфере и художественном творчестве так или иначе, с необходимыми уточнениями пригодны для понимания интуиции в журналистской профессии. Этот вопрос более академический, нежели ориентированный на практику, для которой важнее всего пригодные в работе инструменты, особенно те, что помогают понять окружающий мир, — бывает, от степени правдивости его отображения на телеэкране или в газете зависят судьбы людей, не говоря уж о судьбе самого журналиста. Именно поэтому мы прежде всего склонны определить здесь метод интуитивного понимания мира в журналистике, который как инструмент теоретически еще не осмыслен. Естественно, продвигаясь в этом направлении, мы будем придерживаться уже достигнутого учеными. В таком подходе мы не одиноки: «интуитивные выводы возможны лишь на почве огромных усилий ума не одного человека» [21].

Сложность предпринятого нами анализа заключена в самом предмете исследования. Каждый из нас абсолютно уверен в необходимости интуиции в журналистском познании мира, но выделить этот аспект из текстов СМИ без применения специальных методов не представляется возможным. Потому что в любом тексте творческая лаборатория его автора закрыта от взглядов постороннего. И только на этой творческой кухне можно разобраться, каким образом аргументированы те или иные сделанные журналистом выводы — данными статистики, авторитетом экспертов или личной интуицией. Считать встречающиеся в журналистских текстах якобы многозначительные слова «думаю», «надо полагать» индикаторами проявленной интуиции не следует: они могут свидетельствовать о склонности журналиста прибегать к интуитивно сделанным умозаключениям, а могут — о неумении логически обосновать свое суждение фактами, подкрепить данными науки, короче говоря, о творческой беспомощности. Отделить одно от другого пока что очень сложно. Следовательно, от лобового решения надо отказаться.

Исследователи отмечают, что в имеющихся работах вводится разделение интуиции на две формы — концептуальную и эйдетическую. По их мнению, концептуальная интуиция представляет собой процесс возникновения новых понятий на базе наличных, известных ранее наглядных образов, а эйдетическая интуиция — формирование новых наглядных образов на основе существовавших ранее понятий [5]. В журналистике в равной мере применимы обе формы интуиции. Их наличие в текстах обнаруживается при анализе материалов медийной полемики, особенно в тех случаях, когда полемические тексты не только расположены на одной газетной полосе (облегчено их сопоставление), но и в том случае, когда один из полемистов не просто высказывает иное мнение, а непосредственно откликается на статью оппонента. Факт полемики означает, что ее участники, во-первых, ответственно относятся к своей аргументации, во-вторых, испытывают дефицит времени в подготовке ответа оппоненту, поэтому стараются найти в словах оппонента уязвимые положения, показать несостоятельность его аргументации, в том числе интуитивно найденной.

В одной из работ мне довелось подробно описать пример очень резкой медийной дискуссии [18: 32-34]: по ходу полемики «Литературной газеты» и сетевого ресурса «Кольта» его публицист А. Голубкова выступила на сайте с критическим анализом «ЛГ» [8]; газета, перепечатав критику, тут же разместила опровергающую ее статью своего автора М. Макарова [7: 4; 16: 4]. Был проведен контент-анализ обеих публикаций, который — при повторном обращении к нему — показывает, что используемые публицистами приемы построения полемических статей не только маркируют идейные позиции авторов и приемы выражения (либеральному литературному критику оказалась свойственной ирония, а правоконсервативному — сарказм), но и указывают на метод нахождения авторами применяемых аргументов. Это метод интуитивного понимания возникающей в полемике ситуации и столь же интуитивного анализа сказанного оппонентом.

Так, статья публициста «Кольты» в своей манере респектабельна, без интонационных диссонансов, тогда как тон коммен-

тария к ней со стороны «Литературной газеты» обличительный. Голубкова применяет иронию («забавный конгломерат», «достойные продолжатели...»), иногда сарказм («благонамеренные сигналы»), изредка позволяя себе еще более резкие выражения («охотнорядцы с пудовыми кулаками», «задача цепной собаки»), но только по отношению к реалиям прошлого. Ее оппонент не считает себя обязанным пользоваться исключительно парламентскими выражениями. Его идейные противники «рвут на себе тельняшки», у них «нервический припадок», своих оппонентов они «огульно именуют». Макаров в публичном дискурсе пытается выставить своего оппонента в неприглядном свете: она, «голубушка Голубкова», с ничтожным культурным горизонтом, имеет «кривобокое образование», научность ее диссертации сомнительна, шарахается от слова «русский».

По реакции публициста «Литературной газеты» на критику со стороны «Кольты» можно судить о том, как его идейная позиция, строго говоря, уже определенная им и не нуждающаяся в пояснениях, все же обязывает к новым подкреплениям методом от противного. Начинает работать совершенно интуитивный механизм поиска таких слов в тексте оппонента, которые можно представить как неубедительные. Так интуитивное понимание мира в журналистике превращается в интуитивное отторжение сказанного другим.

Еще более явно метод интуитивного понимания / отторжения смыслов оппонента можно увидеть на примере полемических выступлений в «Российской газете» двух публицистов, германского и российского, по интерпретации одного факта истории — сдался врагу или попал в плен сын Сталина Яков [22]. Автор «Шпигеля» доктор Кристиан Нефф, историк по образованию, в свое время опубликовал статью, в которой, как он утверждает, приведены новые документы, раскрывающие еще неизвестные читателю факты. На их основе автор делает осторожный вывод о сознательном переходе Якова Джугашвили на сторону немцев. Философ и художник Максим Кантор в своей ответной публикации выразил удивление такой трактовкой страницы истории и привел аргументы в пользу иной версии случившегося. После

чего газета еще раз вернулась к этой теме и в одном и том же номере опубликовала новые статьи авторов, которые в совокупности можно обозначить как «полемику по поводу полемики».

К. Нееф, анализируя сказанное М. Кантором, отмечает, что тот «произвольно обращается с фактами, что уводит его читателей в совершенно неправильном направлении», «рубит с плеча». Себя доктор Нееф показывает как думающего опытного журналиста, за плечами которого 30 лет работы в Москве в качестве аккредитованного корреспондента «Шпигеля», поэтому он пользуется осторожными речевыми оборотами: «Попуридзе (с кем Яков шел из окружения. — В. С.) добрался до своих, Джугашвили — нет. Описание этой сцены наводит на мысль, отмечал я, что Яков Джугашвили добровольно сдался немцам... „Наводит на мысль“, — именно так, со всей осторожностью, сформулировал я». Это допущение публициста немецкого журнала основано на профессиональной интуиции историка, а вот следующее — на интуиции полемиста: «Ваша цель, по всей видимости, заключалась в том, чтобы представить „Шпигель“ как оплот необразованности, злобы и политически предвзятой журналистики».

В своем ответе М. Кантор почти не выходит за рамки принятой в данном случае фразеологии, которую поэтому можно оставить в стороне, но делает несколько замечаний, которые непосредственно касаются метода интуитивного понимания мира в журналистике. Публицист из «Российской газеты» отталкивается от речевого оборота оппонента «наводит на мысль» и связанные с ним интуитивные умозаключения называет фантазией. И после пишет: «В художественной литературе фантазия имеет высокую ценность; в истории фантазия нуждается в подтверждениях и доказательствах; в журналистике фантазия, поданная как открытие, ведет к беде. Каждое наше слово, уважаемый господин Нееф, не пребывает в невесомости, но находится в конкретной политической ситуации. Ваша публикация, лежащая в области догадок, балансирует на той грани, за которой начинается опасность — ради чего вы это делаете?» Публицист, не думая о том, не только указывает нам на присутствие в газетной полемике интуитивных рассуждений, но и невольно подчеркивает пределы ис-

пользования интуитивного метода в журналистике, связывая это с ситуацией постмодерна в культуре. «Память исчезает быстро, — пишет Кантор, — и еще быстрее место фактов занимают домыслы, вот это журналистское „наводит на мысль“, размноженное на сотни тысяч копий». А потом, добавим к сказанному, начинаются «копии с копии несуществующего оригинала».

Культурная память и культура понимания — две составляющие труда журналиста, которые позволяют корректно вносить в его произведение итоги интуитивного понимания мира. Аналогии, ассоциации — вот наиболее яркие проявления этого метода. Стоило только выйти на экран новому фильму «Территория» по известной книге геолога и писателя Олега Куваева, сразу же появились рецензии. Одна из них особенно примечательна проведенной критиком ассоциативной параллелью: «Когда в 1972-м Куваев заканчивал работу над первой редакцией романа, вышел в свет „Пикник на обочине“. Прозрачная аллегория братьев Стругацких рассматривала мир как заброшенную помойку, набитую отходами жизнедеятельности высших сил инопланетного происхождения... Куваевский текст... утверждает противоположное: Земля — не загаженная „Зона“, а заповедная „Территория“, богатства которой даны нам как образ и залог благ иного мира» [13: 7]. Здесь даже не потребуется специальное исследование — налицо интуитивное нахождение литературной ассоциации. Более того, здесь находит проявление метод интуитивного постижения мира — того мира, что окружает нас сегодня, а не 40 лет назад. Знание культурного процесса, помноженное на творческую интуицию, вовремя подсказывает необходимую аналогию. Права И. А. Бескова, посчитавшая, что «назначение человеческой памяти состоит не столько в точном воспроизведении предыдущих событий, сколько в построении на основе их осмысления абстрактных репрезентаций» [3: 68].

Конечно, абсолютной памятью не обладает никто, всегда для решения проблемы не хватает каких-то сведений. В журналистике тоже есть дефицит информации, он «возникает не только тогда, когда ее действительно не хватает. Возможно, что нужная информация в мозгу человека хранится, но на подсознательном

уровне, и человек не осознает даже самого факта ее наличия, а потому испытывает ее недостаток. Интуитивный процесс, развивающийся в подсознании, способен привлечь ее и быстро... выдать „на гора“ результат, опирающийся на гораздо большую информацию, чем та, которая доступна сознанию» [12: 384]. Поэтому, если применять это положение к журналистике, согласимся с К. С. Гаджиевым, который выделил чувственно-рациональный аспект интуитивного понимания мира политического. Он полагает, что «истина об общественной жизни лежит как в объективной реальности, так и в сфере мифологического, традиционного и т. д., оказывающих значительное влияние на формирование основных контуров и содержание картины мира, использование СМИ, особенно визуальных, усиливает значимость чувственного, эмоционального, иррационального за счет рационального... И потому постигать не поддающиеся количественным измерениям и строгому научному анализу духовное начало, символический аспект общественной жизни — удел интуиции. Именно благодаря творческой интуиции постигается реальность в ее существенных чертах» [6: 310, 311].

Метод интуитивного понимания мира в журналистике неразрывен с его ценностным основанием: в журналистской деятельности мы неосознанно вспоминаем не цитаты и сводки документов, а те ценности, которые в данный момент олицетворяют их, потому-то подчас и мучимся, мол, знаю, что сейчас ценно, но в чем оно выражено, не помню. И когда наша ассоциативная мысль все же найдет свое информационное подкрепление, то этот миг мы назовем творческой удачей. В том, какие проблемы он анализирует, какие решения предлагает, журналист опирается на априорные для него системы оценки, на очевидные для него истины. А. Г. Алтунян выделяет следующие комплексы априорных посылок, максимально приближенные к медийным ситуациям в политике:

- ориентационные системы (во времени, пространстве, истории, социальной сфере и пр.);
- ценностные структуры (ценностная оценка социальных, политических феноменов, отношений и пр.);

— основные концептуальные схемы понимания, осмысления действительности [2: 44].

Теоретики журналистики уточняют, говоря, что «оценочные суждения (в эфире), как правило, следуют за информацией об актуальных событиях в стране и за рубежом и задают характер обсуждения социальных явлений, стимулируют активность аудитории» [11: 202]. Другие специалисты выделяют «метод научного и художественного творчества, соотношения рациональных и иррациональных компонентов в творческом процессе познания и преобразования действительности. Художественное и научное творчество отличаются способом репрезентации результатов творческой деятельности. В первом случае это — художественный образ, во втором — закон, понятие, изобретение. Тем не менее у науки и искусства единый способ высказывания — язык символов. А. Ф. Лосев определяет символ как смысловой феномен. И если мы говорим о науке и искусстве как формах реализации духовной деятельности человека, то в этом контексте в обоих случаях смыслообразующая функция является приоритетной» [14: 107].

Станислав Лем, рассматривая роман Умберто Эко «Имя розы», делает важные замечания о том, как и на чем строить художественное произведение, какие у автора должны быть первоначальные предпосылки: «(1) полное, широко захватывающее знание как специальная компетенция в целой группе отраслей, иначе говоря, многосторонность эрудиции; (2) воображение с большим потенциалом создания сюжетов, причем этот потенциал должен быть независим от эрудиции; (3) умение находить либо аранжировать такие обстоятельства и ситуации, которые позволяют собрать в один фокус максимум повседневных (равным образом и эсхатологических) человеческих дел» [15: 470]. Если выделить из сказанного писателем и философом главное (эрудицию, независимое от нее воображение и аранжировку всего того, что наблюдается в повседневности), то можно утверждать, что некоторые составляющие метода интуитивно-го понимания мира в журналистике найдены. Но есть ли сам метод?

Каким бы безошибочным и отчетливо логичным ни оказалось основанное на интуиции решение художника / мыслителя / журналиста, все равно в самой интуиции была, есть и будет никем не понятая неопределенность. Когда решение принято, неопределенность этого загадочного «нечто» воспринимается как некая досадная промежуточная ступенька: перешагнули, получилось что хотелось, и о чем тогда говорить! Можно забыть неопределенность, мало ли почему удалось добиться успеха... Но она становится непреодолимой, как только захотим определиться с методом интуитивного понимания мира. Здесь выбор невелик: или мы признаем, что метод не обязательно должен быть безукоризненно выражаем в своих пределах, или наше обращение к своей интуиции не имеет никакого отношения к методам понимания. Мы видим крайне запутанный клубок невыясненных проблем, с которыми рано или поздно предстоит разбираться. А сегодня разумно оттолкнуться от бесспорного: критерий истины — практика. В журналистской практике без интуитивного понимания человека, событий, интуитивного прогнозирования никуда. Следовательно, можно предположить, опять-таки интуитивно, что искомый метод интуитивного понимания мира в журналистике все же существует.

Л и т е р а т у р а

1. Аграновский В. А. Ради единого слова. М., 1978.
2. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: учеб. пособие. М., 2006.
3. Бескова. И. А. Как возможно творческое мышление? М., 1993.
4. Бехтерева Н. Идеи «ниоткуда» // Общая газета. 1999. № 25.
5. Бондаренко А. В. Научная и художественная формы интуиции: сущность, особенности развития и самоорганизация: автореф. дис. ... канд. филос. н. Уфа, 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/nauchnaya-i-hudozhestvennaya-formy-intuitsii-suschnost-osobennosti-razvitiya-i-samoorganizatsiya>.
6. Гаджиев К. С. Введение в политическую философию. М., 2004.
7. Голубкова А. Литературные охотничьи // Лит. газета. 2013. № 14; см. также: URL: <http://www.colta.ru/docs/17612>.
8. Голубкова А. Престарелая девушка на выданье // Кольта. 2013. 5 апр. URL: <http://www.colta.ru/docs/18847>.
9. Горохов В. М. Основы журналистского мастерства. М., 1989.
10. Гуревич П. С., Палеева Н. Н. Философия культуры. М., 2014.

11. Зыков В. Ф. Оценочные суждения в диалогах на радио // Журналистика в 2014 году. СМИ как фактор общественного диалога: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. М., 2015.
12. Кармин А. С. Интуиция. Философские концепции и научное исследование. СПб., 2011.
13. Коленский А. Люди высшей пробы // Культура. 2015. № 14.
14. Кузнецова М. А. Универсальные характеристики научного и художественного творчества // Вестн. Волгогр. ун-та. Сер. 7, Философия. 2011. № 3.
15. Лем Ст. Философия случая: пер. с пол. М., 2007.
16. Макаров М. Декольте Кольты // Лит. газета. 2013. № 14.
17. Маяковский В. В. Собр. соч. в восьми томах. Т. 5. М., 1968.
18. Медиа накануне постсекулярного мира / под ред. В. А. Сидорова. СПб., 2014.
19. Платон. Диалоги / пер. с древнегреч.; сост., ред. и авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев. М., 1986.
20. Сидоров В. А. Прогноз в журналистике: учеб. пособие. СПб., 2001.
21. Спиркин А. Г. Об открытии и изобретении // Философия. Гл. 12. Теория познания. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Spirk/57.php.
22. Сын Сталина в плену у доммысла // Рос. газета. 2013. 6 марта (столичный выпуск): URL: <http://www.rg.ru/printable/2013/03/06/stalin.html>.
23. Фейнберг Е. Л. Две культуры: интуиция и логика в искусстве и науке. М., 1992.
24. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М., 2001.

V. A. Sidorov

St Petersburg State University

AN INTUITIVE UNDERSTANDING OF THE WORLD IN JOURNALISM

The article analyzes correlation between intuition as a specific state of journalist's mind and method of intuitive understanding of the world in journalism. The author also analyzes a value basis of this method, parameters of exercising of intuitive approach to interpretation of events and facts of the social world.

Keywords: journalism, intuition, understanding, interpretation of senses, values.

С. И. Сметанина

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ: КУЛЬТУРА ПОНИМАНИЯ И РЕДАКТИРОВАНИЯ

В центре внимания статьи — методика работы с текстом на практических и лекционных занятиях по литературному редактированию со студентами-журналистами. На примере анализа публикаций в средствах массовой информации рассматриваются виды редактирования и операции правки медиатекста, в основе которых лежит осмысление степени соответствия связей между фактами языка и фактами реальной действительности.

Ключевые слова: литературное редактирование, коммуникативная ситуация, политическое и научное редактирование, законы логики, культура речи.

Курс «Литературное редактирование» является завершающим в системе лингвистических дисциплин, которые предназначены для обучения студентов-журналистов. К началу занятий по этой дисциплине будущие работники средств массовой информации уже завершили изучение основ русской грамматики, функциональной стилистики и поэтики, овладели жанровыми и композиционными решениями медиатекста. Многолетний опыт преподавания литературного редактирования показывает, что студенты с интересом погружаются в процесс исправления дефектов изложения в предлагаемых на занятиях публикациях СМИ, однако критериями для фиксации ошибки и поиска вариантов ее исправления становятся личные предпочтения: «мне это не нравится», «мне кажется, что так не говорят», «я бы так не написал».

Например, фраза из газетной статьи «Реструктуризацию РАО в определенной степени можно считать вынужденной мерой, которая происходит на фоне „подковерной“ войны с „Газпромом“» студентам «не нравится» из-за словосочетания «подковерная война». По их мнению, его надо заменить. И только после прось-

бы объяснить, что же происходит на фоне этой войны — реструктуризация или мера, — выясняется, что происходит все-таки реструктуризация и проблема не в выборе слова, а в понимании коммуникативной ситуации, стоящей за текстом. Тогда и выбирается стратегия правки: изменение порядка слов в предложении («Реструктуризацию РАО, которая происходит на фоне „подковерной“ войны с „Газпромом“, в определенной степени можно считать вынужденной мерой»).

Другой пример. Работая с информационным сообщением криминальной тематики, студенты даже не пытаются соотнести текст с той сферой, которой он касается, и старательно переписывают не понравившиеся им грамматически корректные фразы. Однако не замечают алогизм — нарушение закона противоречия — между заголовком и описанием в тексте произошедшего. Заголовок: «Трое неизвестных ограбили дом Волочковой в Москве, забрав два сейфа»; фрагмент из текста: «Сегодня около 6.30 поступило сообщение о разбойном нападении на частный дом, расположенный на улице Молокова на северо-востоке Москвы». У грабежа и разбойного нападения разные составы преступления, поэтому одно и то же событие не может быть одновременно квалифицировано и как ограбление, и как разбойное нападение. Таким образом, импульсом для принятия студентами решения о необходимости редактирования текста становятся слово или словосочетание, которые вызвали сомнение. И правомерность их употребления оценивается, как правило, с точки зрения культуры речи, норм языка.

Бесспорно, проблемы редактирования связаны с системой языковых норм, актуальных в определенной сфере общения — научный текст, официально-деловой, художественный и др. Но когда речь идет о журналистском тексте, документальном в своей основе, точкой отсчета становится, прежде всего, **понимание коммуникативной ситуации**, которая стоит за ее речевым воплощением. Даже грамматически верная фраза «И чем больше станет выходить поездов на линию, тем лучше будет обслуживание пассажиров» предполагает вмешательство редактора: количество поездов только один из показателей качества обслу-

живания пассажиров. Именно поэтому основная задача курса литературного редактирования — это преодоление сложившегося стереотипа в подходе к журналистскому тексту только в отношении его соответствия востребованной временем речевой практике. Реализация этой задачи начинается с объяснения того, что эффективность работы редактора с медиатекстом, эффективность саморедактирования во многом зависят от понимания природы такого сложного феномена, каким является словесное произведение, от понимания механизмов его создания и проблем, возникающих на сложном пути порождения высказывания: от осмысления сути коммуникативной ситуации — к созданию ее мыслительной модели и воплощению в конкретную речевую форму. В основе методики преподавания медиаредактирования — разъяснение тех проблемных моментов, которые приводят к появлению в тексте ошибки и которые позволяют понять и оценить, во-первых, мысль-оригинал и ее соответствие действительности, во-вторых, мысль-копию, ту мысль, которая будет доступна читателю, и только потом редактор принимает решение, каким будет вмешательство в авторский текст, какие виды редактирования и операции правки следует применить.

При оценке мысли-оригинала редактор соотносит факты языка с реальным положением дел. Здесь действует знаменитое положение немецкого философа Мартина Хайдеггера: «Язык есть дом бытия, ибо в качестве сказа он способ события, его мелодия» [2: 270]. Каждый раз, читая текст, важно постоянно спрашивать себя: «А это действительно так?». Культура понимания и выбор операции правки текста начинаются с овладения приемами политического и научного редактирования.

Политическое редактирование касается оценки журналистского текста с точки зрения соответствия выдвигаемых в нем положений основным направлениям политики государства и действующим правовым нормам. Политическое редактирование предполагает, в частности, контроль за сохранением в тексте защищаемых законодательством тайн: банковской, коммерческой, врачебной, следственной, личной и др.

В процессе научного редактирования в сферу внимания редактора попадают содержательные, фактологические и изобразительные аспекты высказывания: последовательность развития темы, точность данных, фамилий, статусных номинаций, географических названий, сопоставимость цифр, возможность увидеть тот фрагмент действительности, который описывает журналист. Так, чтобы обнаружить ошибку во фразе «...столбик ртутного термометра падал в иные долгие ночи до минус 52–54 градусов», надо знать, что ртутный термометр не показывает такую низкую температуру, и, вероятно, речь идет о спиртовом термометре.

Культура понимания написанного связана и с тем, что журналисты не только рассуждают о происходящем, но и воспроизводят свои впечатления, приглашая читателя взглянуть в красоту и разнообразие цветов нашего мира. Изобразительные фрагменты текста тоже предполагают корректировку в отношении их достоверности. Часто за набором ярких образов не удается представить реальное положение дел: «Дом, словно ласточкино гнездо, прилепился на самом уютном месте. Стоит прочно, точно врос в землю». Журналист при описании дома создает два образных сравнения, которые трудно представить вместе: «словно ласточкино гнездо» и «точно врос в землю». Подобные ошибки называются «двоение образа». В их основе — нарушение логического закона противоречия. Овладение навыками анализа изобразительных компонентов тоже является частью научного редактирования.

Политическое, научное и литературное редактирование существуют неразрывно, поэтому недостаточно установить только степень соответствия медиатекста нормам языка. Понимание и редактирование текста предполагают опору на мировоззрение, на существующие правовые нормы, на владение законами логики, на умение выстраивать ассоциативные ряды и находить источники для проверки информации.

Чрезвычайно полезным для убеждения студентов в необходимости такого комплексного подхода к пониманию текста в процессе его редактирования оказывается обращение к наблюдению

ям наших писателей и журналистов. Так, И. А. Бунин, оценивая художественный текст — стихотворение С. А. Есенина, — начинает с анализа содержательной стороны:

«Синий май. Заревая теплынь.
Не позвякнет кольцо у калитки.
Липким запахом веет полынь.
Спит черемуха в белой накидке.

Дело происходит в мае, в саду, — откуда же взялась полынь, запах которой, как известно, сухой и острый, а вовсе не липкий, а если бы и был липким, то не мог бы „веять“?

Дальше, несмотря на спящую черемуху, —

Сад польшет, как пенный пожар,
И луна, напрягая все силы,
Хочет так, чтобы каждый дрожал
От щемящего слова „милый“...

Желание луны понятно, — недаром Бальмонт утверждал, что даже „каждая ящерица ищет щемящих ощущений“; но опять: откуда взялись в этой заревой теплыни полыхающий пенным пожаром сад и такая неистовая луна?» [1: 226].

Анализируя политические программы телевидения, один из легендарных российских журналистов М. Стурра замечает: «Выступает журналист и говорит: „А вы не заметили, как в последнее время поддала Меркель? Как она сгибается перед Обамой? Почему? А ясно, что у него, видимо, на нее какие-то материалы, что она работала на Штази“. Теперь у меня возникает вопрос: что такое Штази? Это ГДРовское отделение КГБ. И если уж кто-нибудь и имел такие компрометирующие материалы на Меркель, то это мы, а не американцы» (Эхо Москвы. 2014. 20 окт.).

В преподавании литературного редактирования очень важно обращаться к профессиональной медиакритике, которая фиксирует проблемные аспекты журналистского мастерства, по-своему участвуя в формировании культуры понимания мира и человека, вку-

са и ценностных приоритетов адресатов и адресантов СМИ. В той же аналитической программе М. Стуруа отмечает и невнимание журналиста к тому, о чем говорит его собеседник: «Американцы дошли до того, что начали производить нефть. И более того, они хотят ее экспортировать в Европу. Таким образом они и хотят колонизировать Европу». Журналист соглашается с этим рассуждением. «А что, — комментирует Стуруа, — они должны покупать ее все время у Саудовской Аравии?! Ну почему они не могут производить нефть? И более того, они хотят ее экспортировать в Европу. Они хотят ее колонизировать. Значит, получается, что мы колонизировали Европу, потому что она давно покупает нашу нефть, а не американскую».

В целом методика преподавания подчеркнуто прикладной дисциплины «литературное редактирование» предполагает опору на знание студентами-журналистами не только предметов собственно лингвистического цикла, но и ряда специальных дисциплин, формирующих их профессиональные компетенции, мировоззрение и гражданскую позицию.

Л и т е р а т у р а

1. Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1991.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.

S. I. Smetanina
St Petersburg State University

JOURNALISTIC TEXT: CULTURE OF UNDERSTANDING AND EDITING

The point of this article is the technique of working with text on practical lessons and lectures on literary editing with journalism students. Types of editing and correction of journalistic text are examined based on analysis of the media publications. These types are built on interpretation of the correlations between facts of language and facts of reality.

Keywords: literary editing, communicative situation, political and scientific editing, logical laws, culture of speech.

З. Ф. Хубецова

МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕДИАТЕКСТОВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕДИАМЕТРИЯ

В статье рассматривается эволюция методик познания социальной реальности через интерпретацию смыслов медиатекстов и определяется роль политической медиаметрии как методики исследования медиаинформационного контекста. Политическая медиаметрия представлена как комплексная научная и учебная дисциплина, разработанная в рамках политической науки.

Ключевые слова: методики исследование медиатекстов, политическая медиаметрия, познание политической реальности.

СМИ являются ценнейшим источником социальной информации, на основе которой осуществляется исследование феноменов социальной действительности. Обращение к изучению актуального медийного дискурса может быть обусловлено двумя причинами. С одной стороны, происходит научное познание социума (в рамках социально-гуманитарных исследований), с другой стороны — на основе анализа представленного в СМИ спектра коллективных мнений принимаются конкретные практико-управленческие решения, регулирующие деятельность широкого круга социальных (политических, экономических и прочих) субъектов.

Основной целью и желаемым результатом *научного познания* социальной действительности через изучение репрезентируемых СМИ смыслов становится приращение гуманитарного научного знания. Как справедливо заметил русский философ и исследователь М. М. Бахтин, «в сфере гуманитарного познания интеллектуальные операции с чужим описанием того или иного фрагмента социальной жизни являются основным источником для формирования своих собственных суждений о том, что не дано исследователю как фрагмент его непосредственного опыта» [1: 281].

С прагматической точки зрения интерпретация смыслов медиатекстов является важнейшей частью комплексной работы по определению эффективности коммуникативной деятельности социальных субъектов и определению стратегии краткосрочного и долгосрочного планирования коммуникативных процессов.

Методы и методологические подходы, используемые в процессе интерпретации смыслов медиатекстов, развивались вместе с самим научным знанием и в контексте доминирующих на том или ином историческом этапе теоретико-методологических взглядов.

Долгое время толкование массово-информационной реальности осуществлялось преимущественно с использованием **историко-филологического метода**.

Методика извлечения буквального смысла медиатекстов наиболее полно представлена в особой отрасли исторической науки — в источниковедении. Историческое источниковедение обогатило гуманитарную науку своим методологическим аппаратом и специфическими познавательными средствами. Так, базовое источниковедческое понятие «источник» (в узком смысле «исторический источник») как целостная совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности, как вещественный носитель ретроспективной информации, сегодня становится универсальной междисциплинарной категорией. В социологии, психологии, этнографии, этнологии, культурологии, лингвистике в понятие «источник» включаются материальные объекты, несущие информацию не только ретроспективного, но и оперативного и перспективного характера. Метод познания окружающего мира через фиксированные источники информации, отражающие взаимодействие человека с природой, обществом, государством и с другим человеком, стал общенаучным.

Источниковедение позволяет выработать общие методы исследования источников общей видовой принадлежности, основанной на повторяемости их свойств. Под видом исторического источника понимается исторически сложившаяся совокупность источников, характеризующаяся сходством внутренней формы

(структуры), вытекающей из единства происхождения, содержания, назначения источника при его создании.

Видовое деление применимо далеко не к каждому типу источников. С середины XIX века наиболее значимыми, в первую очередь для исторической науки, стали письменные источники; именно поэтому базовой становится классификация *видов письменных источников*. К ним принято относить: летописи, законодательные акты, делопроизводственную документацию, частные акты, статистические источники, периодическую печать, документы личного происхождения (мемуары, переписку и т. д.), литературные памятники, публицистику, политические сочинения, научные труды.

В разные исторические эпохи превалировали разные виды источников. Так, по мере развития общества исчезли старые виды (летописи) и сформировались новые (статистические материалы, периодическая печать, фото- и кинодокументы).

С течением времени основным носителем письменных источников для многих отраслей науки становится пресса, а развитие в дальнейшем системы средств массовой информации способствует увеличению удельного веса источников, изначально предназначенных для публикации в той или иной форме. К источниковедческому анализу прессы обращаются не только историки, но и социологи, антропологи, этнологи, психологи, политологи, историки науки и искусства, исследователи языка и литературных текстов, так как в материалах СМИ социальная действительность как исторический опыт и общественная практика отражена во всем многообразии аспектов.

Цель социально-гуманитарного исследования заключается не только в том, чтобы извлечь из прессы всю полезную для конкретного исследования социальную информацию, но и в том, чтобы критически оценить, правильно интерпретировать ее, то есть *понять* не выраженные буквально, скрытые смыслы.

В практическом плане сказанное выше предполагает дифференцированный подход к разработке методологии анализа разных видов письменных (в данном случае — медийных) источников информации, аккумулированных в СМИ.

В плане сбора и обработки относительно проста информация хроникального характера. Хроника как важная часть контента СМИ является богатым источником фактов, необходимых в процессе познания разных срезов социальной действительности. Наряду с материалами, публикуемыми в разделе «Хроника», функцию репрезентации фактологической информации выполняют опубликованные в СМИ официальные сведения: законодательные акты, статистические данные и т. д. Главным методом, с помощью которого социально-гуманитарные дисциплины извлекают из массива публикаций необходимые знания, является фактологический анализ.

Стоит, однако, оговориться: историко-филологическая традиция исследования прессы как неотъемлемая часть процесса познания социальной действительности предполагает обращение не только и не столько к простым по форме и методике анализа материалам, о которых говорилось выше, но и к самым сложным по жанру и содержанию текстам, созданным с расчетом на публикацию в СМИ. Как отмечают исследователи, «благодаря усилиям научно-исторической школы и метода, не имеющего себе равного ни на одном из этапов интеллектуальной истории, прошлое оказалось для современного человека „воссозданным настоящим“ с удивительным многообразием форм мышления» [2: 16].

Процедура верификации данных, содержащихся в аналитических и художественно-публицистических материалах СМИ, сложна. В отличие от хроники, статистики и официальной документации в собственно журналистских публикациях весьма высока вероятность искажения фактов. Серьезной проблемой становится выявление скрытых, имплицитно присутствующих в журналистских текстах целей, мотивов, побуждений, установок. А некоторые жанры, как например, публицистика, в каждом конкретном случае требуют индивидуального исследовательского подхода.

Методология источниковедческого исследования публицистических произведений предполагает точное определение их видовой принадлежности (авторская, публицистика массовых народных движений, программные выступления государствен-

ных и общественных деятелей), максимально полное выявление намерений автора, определение цели создания произведения и предполагаемого круга его читателей.

Как видим, предложенная методология опирается на заданный алгоритм действий, но не содержит указаний на четкие критерии анализа.

Более операциональна в этом плане методология лингвистического анализа. Материалы СМИ активно используются учеными (лингвистами, этнологами и культурологами) в процессе воссоздания языковой картины мира тех или иных языковых общностей, а язык и стилистические особенности средств массовой информации становятся объектом междисциплинарных исследований. В настоящее время традиционный филологический аспект исследования языка СМИ дополняется целым рядом научных подходов с философских, культурологических, политологических, психолингвистических позиций.

Таким образом, историко-филологическая традиция понимания текстов СМИ ориентирована преимущественно на получение научного знания ретроспективного и оперативного характера и предполагает постижение исследователем выраженных прямо и скрытых смыслов.

В середине XX века историко-филологическая традиция понимания журналистских текстов была дополнена (и в ряде случаев оттеснена на второй план) относительно новыми **социологическими методами**. Широкое применение в исследовательской практике получает контент-анализ. Подавляющую часть материалов, которые изучаются с применением этого метода, составляют текущие публикации СМИ. Это позволяет в полной мере осознать ценность журналистики как источника фиксированной информации оперативного и перспективного характера, необходимой для адекватной интерпретации закономерностей развития социума в настоящем и точного прогнозирования социальных процессов в будущем.

Метод познания социальной действительности через структурированное изучение обширного по объему и несистематизированного текстового материала получил широкое распространение

ние с середины 1950-х гг. После публикации книги американского исследователя Бернара Берельсона «Контент-анализ в коммуникационных исследованиях» [6] контент-анализ стал применяться не только в процессе изучения собственно газетных материалов (эссе, интервью, дискуссий, газетных заголовков и статей), но и любых текстов или текстовых фрагментов (книг, глав из книг, исторических документов, речей, рекламы и т. п.).

Данные, собранные американскими социологами в ходе эмпирических исследований, становятся ориентирами при разработке правительствами разных стран концепций социальных реформ и национальных программ по борьбе с бедностью, преступностью, наркоманией и многими другими «социальными болезнями». С развитием ЭВМ к анализу текстовых материалов привлекаются возможности автоматизированной вычислительной техники. А в 1970-х–1990-х гг. контент-анализ становится междисциплинарной методикой, существующей в нескольких десятках вариантов.

Кроме собственно социологических проектов количественный и качественный анализ текстов применяется в маркетинговых и гендерных исследованиях, в этнографии и культурологии, в политологии, психологии и когнитивистике, в литературоведении, социо- и психолингвистике. А в сфере исследований медиа данная методика становится едва ли не самой популярной.

С переходом к рыночным отношениям количество социологических исследований, посвященных прессе, резко сократилось. Одновременно возрастает роль **медиадискурсивных исследований и медиаметрии** как инструментов коммуникационного менеджмента. Сегодня теоретики отмечают, что «практически не развиваются исследования в интересах самого общества, а не в интересах медиаменеджмента или рекламодателей» [5: 199]. Данные многих исследований, выполненных по заказу конкретных редакций, не публикуются.

Учитывая тот факт, что СМИ являются не только одним из главных ретрансляторов общественного мнения, но и пространством публичного существования политических, экономических и прочих акторов, с конца 1990-х гг. основным объектом исследования

становится медиадискурс как внешняя по отношению к социальным субъектам среда. Исследования носят преимущественно краткосрочный характер; главной целью анализа материалов СМИ становится изучение информационного фона и управление коммуникативной средой в интересах государства, политики и бизнеса (в том числе медиабизнеса).

Таким образом, на рубеже XX–XXI веков в исследованиях стал доминировать *прагматический подход*: прагматизм в подходе к познанию общественного мнения, отраженного в СМИ, исследованию качества медиадискурса и изучению аудитории.

Под влиянием концепции политического маркетинга политики и акторы, представляющие государственную власть, в пространстве публичной политики сегодня рассматриваются как «продавцы»; их политические программы, идеи, государственные решения становятся «товаром», а общество наделяется свойствами «покупателя», который отдает предпочтение тому или иному конкурирующему «игроку», той или иной идее или решению. То обстоятельство, что взаимодействия общества и субъектов разных типов опосредуются социальным институтом журналистики, повышает значимость работы по созданию оптимального для политических или бизнес-структур информационного контекста.

Познание социальной действительности через анализ отраженных в СМИ проблем приобретает особую важность и осуществляется через особые механизмы. Пресс-центры при органах государственной власти (президенте, правительстве, министерствах, силовых ведомствах и т. д.) занимаются производством информационных сообщений нужной тональности и смысловым позиционированием субъекта PR для СМИ. В свою очередь, информационно-аналитические отделы проводят качественный анализ медиадискурса и не только выявляют динамику общественного мнения как результат целенаправленного управления коммуникативными потоками, но и исследуют спектр общественно-политических, экономических и социальных проблем, которым был придан публичный статус и которые, очевидно, отражают социальный заказ общества для власти.

В методическом плане процедура изучения контента медиа на рубеже XX–XIX вв. существенно упростилась. Представленность подавляющего большинства материалов СМИ в цифровом виде позволяет обрабатывать массивы медиатекстов с помощью специальных мониторинговых сервисов. Мониторинговые компании становятся исследовательскими структурами, получающими наибольшее количество заказов на выполнение медиадискурсивных исследований.

В этой общественной и исследовательской ситуации получает развитие **политическая медиаметрия** как методика понимания смыслов медиатекстов и новое научное направление.

Особые внешнеполитические условия, которые сложились в 2014–2015 гг., повысили значимость понимания информационного контекста, воспроизводимого зарубежными СМИ в отношении России. В ответ на потребность в наличии операциональной и технически совершенной методики измерения медиаконтента научным сообществом были по-новому прочтены и адаптированы к потребностям внешнеполитической деятельности возможности медиаметрии (методики замеров медиаинформационного фона). Так, в марте 2015 г. в свет вышла монография «Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России» исследователя И. А. Николаичука (Российский институт стратегических исследований). Монография, как следует из аннотации, «посвящена новой прикладной дисциплине — политической медиаметрии, призванной расширить арсенал методов политических и социальных наук за счет привлечения количественных данных медиастатистики. В первую очередь такие исследования важны в свете резко усилившегося в последние годы информационного противостояния между Россией и основными странами Запада» [4: 2].

Методику самого прикладного исследования материалов зарубежных СМИ автор монографии описывает следующим образом: «Политическая медиаметрия является новой прикладной дисциплиной, которая позволяет получить и использовать количественные данные в политических исследованиях. Она основана на подсчете числа публикаций, определении их тональности (негативная, позитивная или нейтральная) и выведении суммирующего результата, гарантирующего объективность» [3].

Методика политической медиаметрии прошла апробацию в прикладном исследовании РИСИ, итоги которого были представлены широкой общественности в форме доклада «Рейтинг недружелюбия к России мировых СМИ» (2015).

Таким образом, медиаметрия как давно и хорошо известная методика изучения и понимания смыслов медиатекстов на современном этапе: а) адаптирована к потребностям особой отрасли науки — прикладной политологии; б) получила собственную номинацию «политическая медиаметрия»); в) обрела статус научной и учебной дисциплины. Сфера практического применения методики — как внешнеполитическая, так и, по всей вероятности, внутривнутриполитическая деятельность. Возможные варианты использования информации, полученной с помощью данной методики, связаны с оптимизацией информационной политики во внешней и внутренней среде.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Бергман П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
3. Дружинина М. Политическая медиаметрия // Сайт Российского института стратегических исследований. 2015. 30 марта. URL: <http://riss.ru/smi/11189>.
4. Николайчук И. А. Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России. М., 2015.
5. Рывкина Р. В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4.
6. Berelson, B. Content Analysis in Communication Research. New York, 1952.

Z. F. Khubetsova

St Petersburg State University

THE METHODS OF THE MEDIA TEXTS STUDIES AND POLITICAL MEDIA METRICS

This article describes the evolution of the social reality cognition methods through interpretation of the media texts meanings. It determines the role

of political media metrics as a method for the media information context researches. Political media metrics is presented as a complex scientific and academic discipline, developed in the framework of political science.

Keywords: political media metrics, methodology of the media texts study, the cognition of political reality.

Научное издание

МЕТОДЫ ПОНИМАНИЯ
В ЖУРНАЛИСТИКЕ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Материалы научно-методического семинара
«Методы и методики понимания в журналистике
и массовых коммуникациях»

Ответственный редактор *С. Г. Корконосенко*

Макет и оформление обложки: *П. Ч. Хан*

Верстка: *Е. П. Смирнова*

Подписано в печать 08.07.2015. Формат 60X84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура CharterITC.
Печ. л. 8. Тираж 70 экз. Заказ 67.

Отдел допечатной подготовки
Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д. 26.